

РТ4(2)
К И33

ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

А. Н. БЕРНШТАМ

**ЖИЛИЩЕ КРЫМСКОГО
ПРЕДГОРЬЯ**

Том IX
вып. 6-7
1931

Жилище крымского предгорья

Опыт социологического анализа

Wohnhäuser des Vor- gebirges der Krim

Versuch einer soziologischen
Analyse

Настоящая работа есть попытка вскрытия диалектики развития материального производства.

Критикуя старую этнографию, мы должны, не ограничиваясь „редуктивной“ критикой, подкреплять ее и тщательным сбором и новым анализом ряда материалов, так как неверный подход „искателей культур“ и классовая предвзятость приводили их к противоречащим действительности выводам. Критика должна, помимо теоретических выкладок, включать и методологическую переработку накопленного ранее материала.

Изучая внутри СССР исторически отсталые группы, будет ли это родовое общество, или феодализм, мы налицо всегда имеем существование национальных форм. Эти группы требуют своего изучения независимо от названия той науки, которая смело возьмется за это дело. Этнография и в наше время изучает общество, ипостазированное в извечно данном „этнoсе“, общество с делением на „материальную, социальную и духовную культуры“ всех времен и народов, вкладывая в понятие изучаемого „быта“ „сумму“ жизненных „мелочей“, превращаясь из науки в дилетантствующую энциклопедию без метода, но с материалом. И с колоссальным материалом. А priori известно, что в этом материале проглядывает политическое лицо исследователя.

Однако самостоятельных закономерностей, законов развития общества этнография не вскрыла и не вскроет. Это является уделом социологии. В своих конкретных этнических описаниях этнография пользовалась только выработанной ею техникой исследования. Она конкретно описывала, фиксировала и — в лучшем случае — формально анализировала.

Как наука, вскрывающая особые закономерности, она себя не проявила и подобно археологии пользовалась лишь формально-описательным методом „явлений“ материального производства. Представляется наиболее рациональным соединить археологию и этнографию, подчинить работу общей социологической проблеме — реконструкции формаций. Их надо историзировать, заняться восстановлением исчезнувших общественно-экономиче-

ских формаций, опираясь на основное положение, что такое же значение, „как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда [подчеркнуто мною. А. Б.] имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций“¹.

Средства труда, общество — „способ соединения средств труда и рабочей силы“² — все это предмет той науки, которая конкретно займется формациями, будет ли она называться историей материального производства, или иначе — дело не в этом.

Выяснив место средств и орудий производства, перейдем к вопросу о жилище, пище и т. д. Ясно, что жилище, пища и т. п., будучи лишь результатом определенного способа производства, в своем развитии являются объектом, иногда в достаточной мере полно отражающим законы развития общества, и если оторваться от формального анализа, этот материал дает основания для реконструкции формаций. Далее мы остановимся и на месте жилья в системе производства.

Заканчивая на этом краткое введение, приходится напомнить, что задача перевода отсталых народов к социализму, минуя капиталистический путь развития внутри СССР, есть задача советской власти; изучить отсталые „культуры“ для выращивания национальных культур с пролетарским содержанием как пути к интернациональной культуре есть задача советского научного работника. Переход от изучения исчезнувших формаций к „пережиткам“ сегодняшнего дня для правильной ликвидации последних есть задача, в которой смыкаются археологи и этнографы, несмотря на различие технических методов исследования.

Занимаясь изучением жилища крымского предгорья, я стремился дать, пользуясь наличным материалом, иллюстрации законов капиталистического развития деревни. При этом пришлось остановиться на социальной „ценности“ жилища. Для выяснения этих законов надо было прибегнуть к абстракции, чтобы сильнее подчеркнуть конкретность того или иного явления.

Материал, который был собран в течение 1929—1930 г. Эски-Керменской экспедицией ГАИМК в горном Крыму, относится к „географическому треугольнику“ Севастополь—Бахчисарай—Ялта.

В обработанном виде материал был доложен в ГАИМК на заседании 6. разряда этнографии, где социологическая часть доклада не встретила возражений по существу. В части конкретной обвиняли в схематизме. Я считаю, что эти обвинения являются протестом против метода работы, непривычного в среде этнографов, против основной задачи — освоить методологически некоторые моменты из жилищного строительства. Поэтому работа предназначена для печати в том виде, как она была изложена в докладе.

¹ Капитал, т. I, стр. 121.

² Капитал, т. II, стр. 10.

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЖИЛИЩА ПРИ ИЗУЧЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА.

Для того чтобы можно было использовать материал по постройкам для тех или иных работ, необходимо прежде всего остановиться на социальном значении, которое имеют различные постройки для общества в целом и для отдельного класса в особенности. Совершенно ясно, что значение юрты кочевника и дома земледельца различное. Кроме общих необходимых функций „потребительского характера“, различие будет в специфике той или иной формы хозяйствования: так, например, если кочевник „обходится“ одной кибиткой, то табакердарь-винодел должен иметь какие-то вспомогательные здания для процесса своего труда.

Бесспорным является тот факт, что определенным формам хозяйствования свойственны определенные формы построек. Но этого мало: сама постройка является типичным выразителем экономической мощи отдельного хозяйства, т. е. налицо бедняцкие, кулацкие и другие постройки.

Дробление на классовые типы жилищ, это, пожалуй, последнее достижение этнографов при изучении жилища: раньше все стремления сводились обычно к отысканию „типичной“, извечно данной формы жилища для данного „народа“.

Постройка прежде всего исторична. Если те или иные древние формы появляются в виде „пережитков“,¹ то это результат не традиций, а воспроизведение более простой и менее дорогой техники, наблюдаемое преимущественно в экономически слабых хозяйствах. Но, помимо этой историчности, нам придется подчеркнуть некоторые переходы функций жилища, которые оно испытывает в процессе строительства и „потребления“. Однако для большей ясности обратимся к тем немногим, но ценным замечаниям, которые имеются у Маркса.

Иллюстрируя противоречия капиталистического способа производства, Маркс в главе о всеобщем законе накопления останавливается на ряде интересных моментов. В § 5 на стр. 517 „Капитала“² основным материалом для иллюстрации служит жилище, частично пища и одежда. Повидимому, эти объекты наиболее характерны, как отражение социального строя того или иного способа производства. Изучение жилищных условий определенного класса общества (пролетариата) приводит Маркса к следующему выводу: „Дороговизна жилых помещений обратно пропорциональна их качеству“.³

¹ Термин „пережиток“, „пережиточный“ мною везде употребляется условно, ввиду отсутствия более подходящего термина.

² Маркс, Капитал, т. I, гл. о всеобщем накоплении.

³ Там же, стр. 525.

Для Маркса постройка — показатель цивилизации. Наиболее интересным является вопрос о том, какое место по отношению к средствам и орудиям производства займет постройка.

Оставляя в стороне пещерные жилища, которые Маркс называет результатом „естественной производительности земледельческого труда“¹ (сюда относится и труд простого собирания, охоты, рыболовства, скотоводства), мы перейдем к рассмотрению выше поставленного вопроса.

Во-первых, мы имеем упоминание о сосудистой системе производства, куда могут быть отнесены некоторые виды построек. По отношению к механическим средствам труда сосудистая система имеет менее „отличительные признаки определенной эпохи общественного производства“,² так как она является „лишь хранилищами предметов труда, совокупность которых в общем можно назвать сосудистой системой производства“.³

Однако широкое поле применения труда привлекает к „средствам процесса труда“⁴ многочисленные „материальные условия“, без которых „он [процесс труда. А. Б.] или совершенно невозможен, или может происходить лишь в несовершенном виде“. Примерами таких средств труда, необходимых для работ, „но уже предварительно подвергшихся процессу труда, могут служить рабочие здания, каналы, дороги“.⁵

Полную аналогию с такими рабочими зданиями мы встречаем в рабочих постройках кулацких хозяйств.

Хотя Маркс рассматривает дом, постройку пригородных районов, рабочих поселков,⁶ мы можем использовать этот материал в применении к жилищу кулака, являющемуся средством эксплуатации и по своей общественной функции сходному с постройками капиталиста города.

Итак, жилище выступает как товар, когда в результате вырастающего разделения труда появляется в этом потребность. Характерным примером такого процесса создания товара, как следствия разделения труда, является дом кулака, сдаваемый в эксплуатацию своим батракам или интеллигенции, в большой массе хлынувшей в деревню.

Жилище выступило перед нами как материальное условие производства, само было в производстве, т. е. в процессе строительства, и, наконец, мы подошли к жилищу как товару, как средству эксплуатации и как средству труда.

Правильно ли охарактеризовано такое функциональное развитие жилища?

На этот вопрос отвечает соответствующее место из II тома „Капитала“, где Маркс, критикуя Рикардо, пишет: „Те же самые вещи (дом и т. д.), те же самые классы вещей выступают

¹ Капитал, т. II, стр. 139.

² Капитал, т. I, стр. 121 — 122.

³ Там же, стр. 122.

⁴ Там же, стр. 122.

⁵ Там же, стр. 122.

⁶ Там же, стр. 525.

в одном случае как средства потребления, в другом — как средства труда”.¹

Средства потребления и средства труда — вот „узаконенное“ содержание жилища. Эту динамичность постройки и необходимо учитывать при изучении особенностей построек и при определении их „социальной ценности“. Установив, что постройка не является средством труда, в основном подчеркивая, что это все-таки предмет потребления, мы должны учитывать как социально-экономические показатели постройки, так и непрерывно изменяющиеся функции жилища в связи с историческим развитием. Это есть результат не этнического изучения, а социологического.

Итак, резюмируем наши методологические высказывания:

Жилище есть: 1) предмет труда с точки зрения самого строительства; 2) предмет потребления — основная, массовая функция жилища; 3) средство труда — материальное условие, предпосылка процесса труда; 4) средство эксплуатации в экономически-сильных хозяйствах.

В связи с этим: как предмет труда — жилище становится отражением орудий труда, способа производства, возможностей строения; с другой стороны, жилище „отражает“ самого строителя, зависимость последнего от географической среды и от наличного материала. Как средство потребления, жилище — массовое отражение идеологии, права, словом, всего содержания „потребителя“; форма жилища зависит от форм хозяйствования, общего основного направления (оседлое, кочевое) и, наконец, его экономическое разнообразие (бедное, богатое) есть также результат социально-экономического развития „потребителя“ и строителя. Здесь еще потребитель и строитель один, т. е. один хозяин, одна производственная ячейка, одна семья. Старая буржуазная этнография не изучала жилища ни как средство труда, ни как средство эксплуатации, зная, что в результате такого изучения неизбежно вскрыется разрушительная сила капитализма в сельском хозяйстве.

Последняя функция жилища чрезвычайно интересна, и стоит проследить ее историческое образование.

Я ограничиваю свою задачу постановкой вопроса, так как разрешить все поставленные выше связанные с жилищем вопросы при современном состоянии этнографии и при новизне темы мне было не по силам.

Еще последнее замечание.

Дальнейшее рассмотрение крымского жилища в той или иной степени подтвердит или отвергнет выдвинутые положения, но, поскольку материал будет затрагивать ряд конкретных вопросов, я ставлю следующие вопросы, которые меня и занимают в данной работе:

¹ Капитал, т. II, стр. 151.

1. В какой степени жилище „ландшафтно“ и можно ли говорить о зональном распространении? Этнография или социологическое изучение?

2. Связь закономерности развития жилища с общими законами развития общества и техники. Выявить „социологичность“ жилища, выявить отношение его к общим социологическим законам.

3. Влияние общественного строя. Историчность общества и жилища. Расслоение в обществе и в жилище и его выражение в технике.

4. Место „этноса“ в создании жилища. Этнические особенности населения и их место при изучении жилища.

5. Однотипность жилищ в равных, производственно-одинаковых обществах.¹

Типы — родовые, феодальные, торгово-капиталистические, задатки нового.

6. Задачи современного строительства.

Поставленные вопросы, по мере их разрешения, нам дадут ответ, что вряд ли может оставаться научным „горизонтальное“, плоскостное, географическое положение этнографии. Она должна переключиться в социологические вертикали истории религии, искусства, средств производства, а, быть может, жилища, пищи, одежды и т. д. общей исторической науки — социологии.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ПО ПОСТРОЙКАМ КРЫМА.

В старой этнографии жилище служит в большинстве случаев предметом формального описания техники и дает повод к случайным и необоснованным аналогиям. Жилище рассматривалось как воплощение сложных художественных и религиозных идей строителя. Исследователи стояли весьма далеко от выяснения положения жилища в материальном производстве общества.

Кроме того, необходимо указать на то, что этнограф прежде всего стремился или прикрепить объект изучения к тому или иному народу, дав ему описательное прилагательное, как, напр., казачьи и киргизские типы кибиток, или — в лучшем случае — сконструировать теорию заимствований.

В силу такой предвзятости изучение жилища сводилось главным образом к разбору отдельных элементов постройки, без включения этого составляющего звена в общую цепь изучения.

Беру знакомые мне работы по Крыму. Дубровский в книжке „Жилище горных татар“¹ большую часть работы, верней — экскурсионного очерка, посвящает описанию одного дома, перегрузив общую часть ненаучными записями о быте татар Крыма.

¹ С одинаковым развитием производительных сил.

¹ Отгиск из сборника „По Крыму“, Симферополь, 1914.

Более серьезная работа Б. А. Куфтина, с которой мы в дальнейшем встретимся,¹ — образчик течения в этнографии, известного под названием „диффузионистского“ стремления все свести к механической сумме заимствований. При таком методе объяснения материальной культуры (пусть слово „культура“ будет повсюду фигурировать как условность, обозначающая результат производительного труда человека) проскальзывают чрезвычайно грубые ошибки. Диффузионисты смешивают все населяющие народности, без учета их производственных возможностей.

Не удивителен после этого и вывод, когда исконные дома полукочевья рассматриваются как заимствования с Кавказа, но не как дома, выросшие самостоятельно на почве оседающего скотовода северного Крыма.

Не останавливаюсь на главе „Жилище“ из работы Кондараки „Универсальное описание Тавриды“, так как эта глава, как и вся работа, научной ценности не имеет.

Упомяну еще статью Г. А. Бонч-Осмоловского,² специально посвященную жилищу и использованную мною в настоящей работе: „Свадебные жилища турецких народов“. Она представляет большой интерес тем, что в известной мере связывает элементы жилья с развитием общества, но лишь в известной мере, так как в основном и она остается на позициях старых этнографов.

Таким образом, крайне немногочисленные работы, да и то не по специальному вопросу о жилище, заставляют желать лучшего.

ПРИРОДНЫЕ И ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГОРНОГО КРЫМА, ВЛИЯВШИЕ НА ОРГАНИЗАЦИЮ ЖИЛЬЯ.

Хронологически типы жилья, являющиеся предметом этой работы, относятся к XIX и XX вв., т. е. к периоду капиталистического развития крымской деревни.

Производство жилья в Крыму имеет также свои предпосылки и условия, которые образуют собою моменты его развития. Последние могут рассматриваться как природные, т. е. возникшие в самом начале на лоне природы.³ Благодаря процессу производства они [предпосылки. А. Б.] обращаются из природных в исторические, и если для одного периода они служат природными предпосылками, то для другого они представляют исторический результат.⁴

Благодаря историческим „возможностям“ (как результат исторического развития) в XIX — XX вв. предпосылки определенных

¹ „Жилище крымских татар в связи с заселением полуострова“.

² Материалы по этнографии, изд. Русского музея, 1926.

³ Маркс, введение „К критике политической экономии“, изд. III, Ком. унив., стр. 18.

⁴ Там же, стр. 18.

форм жилья суть „исторический результат“ классового развития общества.

Крым в последнее столетие был колонией русского капитала, а в связи с этим часть деревень предгорья находилась до последнего времени под сильным влиянием торгового капитала.

Предгорье это „экспортный район“, в котором было развито садоводство, интенсивное хозяйство, район скупочных мест для торговцев. Шоссе на южном берегу было вторым путем торгового капитала после железной дороги. Севастополь, Ялта, Бахчисарай — эти три городских центра делали нагорье Крыма, за редкими исключениями, районом, подверженным влиянию капитализма.

Конечно, и тут было различие в развитии капиталистического влияния, в зависимости от географического положения, например, деревни, непосредственно втянутые в оборот (Дуванкой, Таджикой, Отаркой, Заланкой, Каралезы, Сюрень, Фощ-Сала и т. д.) и отдаленные от железной дороги и шоссе (Ай-Тодор, отчасти Черкес-Кермен, Ходжа-Сала, Адым-Чокрак, Чемлы-Узенбаши, Биюк, Кучук-Узенбаши, Керменчики и т. д.).

С другой стороны, надо считаться с большим количеством украинской рабочей силы, участвовавшей в полевых работах (табак, сад) и использовавшейся к осени местным зажиточным крестьянством для строительства. Украинская рабочая сила вносила свои „поправки“ в архитектуру и выносила на Украину много местного, возможного для „прививки“ у себя на месте (например, побелка, принесенная Украиной, с появлением на рынке промышленного кирпича — трубы из кирпича, наружная форма дома и т. д.).

Итак, шоссе, железная дорога, украинская рабочая сила (из области „этнуса“ непосредственно), три городских центра и, наконец, отдельные помещичьи усадьбы — вот факторы, влиявшие на строительство в крымском нагорье.

Втянутое в торговый оборот благодаря наличным ценным для буржуазии предметам торговли (продукты садоводства, табак), население неминуемо подверглось расслоению, разбившись на классовые полярности, сыгравшие немаловажную роль в деревенском строительстве.

Выясним схему экономического облика района. Население — вытесненные „капиталом“ с хороших земель татары. „Татарский, русский, иной помещик, пришедший и усиливший свое влияние в Крыму после его присоединения к России, помещик, организующий здесь хозяйство не на принципах натурального, а на торговых формах, вытеснял татарское население из степных районов и районов плодородных. Татарское население уходило в предгорный и горные районы, постепенно уменьшая свои стада скота“.¹

¹ Бунегин М. Ф., Революция и ГИЗ, 1927, стр. 9. гражданская война в Крыму, Кр.

Эти материалы Истпарта дают нам основание для утверждения о наличии в изучаемом районе дробленого дифференцированного хозяйства. Тяжелая арендная плата, скопщина, безземелье, помещик — делали свое дело: „Община была разрушена и сохранилась в весьма незначительных, теряющихся в общей массе райончиках. Хозяйство, при указанных выше формах землевладения и при наличии большого внутреннего городского, курортного и внешнего рынка центральной России, являющегося потребителем продуктов сельскохозяйственного производства (продукты садоводства, табаководства, виноградарства), стало до революции товарным“.¹

В результате к 1917 году было 40% хозяйств, пользующихся исключительно арендной землей, т. е. 40% безземельных хозяйств, 40% строителей по приемам упрощенной техники, примитивизирующих свою постройку. Они-то и являются авторами тех построек из самана и плетня, которые Куфтин так настойчиво предлагает считать заимствованными с Кавказа. Куфтин сводит наличие этих жилищ только к кавказскому влиянию,² почитая последнее как влияние культурное.³

Развитие кавказского и крымского дома происходило совершенно самостоятельно: одинаковое экономическое развитие, одинаковые условия развития создали параллельные формы жилья.

Можно предположить, что форма черкесского жилища (Северный Кавказ) возникла и развивалась одновременно с крымским, когда турки проникли на Северный Кавказ. Ведь „свойства географической среды определяют собой характер как тех предметов природы, которые служат человеку для удовлетворения его потребностей, так и тех, которые производятся самим с этой целью“.⁴

В данном случае предмет, жилищный материал, саман и плетень и само жилище определились наличием благоприятной среды, как одной из предпосылок, а также изменением самого хозяйственного бытия, переходом от скотоводства, кочевнической стадии к оседлому земледелию.

Не отрицая целиком некоторой связи с Кавказом, мне хотелось только заметить, что создание „материальной культуры“ не могло проходить под влиянием одних „культурных струй“. Присутствие некоторых элементов Кавказа из области „духовной культуры“ укрепило в Крыму и получило распространение

¹ Бунегин М. Ф., ук. соч., стр. 12.

² Куфтин, Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова, стр. 50.

³ В статье „Южнобережные татары“ („Крым“, № 1, 1925 г., стр. 21) Куфтин пишет: „Есть еще одна, может древнейшая, хотя действовавшая и в более позднее время (грузины, с IV в. армяне) этнокультурная [разрядка моя.

А. Б.] связь“. И дальше: „культурное взаимодействие Крыма и Кавказа поддерживалось, вероятно, этническим единством населения европейского и азиатского Средиземья“. Там же, стр. 21 — 22.

⁴ Плеханов. Основные вопросы марксизма, ГИЗ, 1929, Ин-т Маркса и Энгельса, стр. 36.

при наличии сложившейся соответственной материальной технической базы.

Таким образом, саман и плетень — самые старые виды построек, присущие татарам.

Саман и плетень возникают не в период капитализации деревни. Они возникают при первом появлении татар на полуострове, когда основная масса Кипчакской орды была, конечно, не выше „среднего отдела варварства“ (пользуюсь устаревшей терминологией Морган—Энгельса), характеризующегося употреблением на постройку кирпича-сырца (саман) и камня.¹

Остановлюсь кратко на характеристике крымских татар, строителей жилища Крыма. Татары проникли в Крым в XIII в. в лице Кипчакской орды, ответвления Золотой орды.

Создается Крымский юрт, ведущий полукочевой образ жизни, с несложной социальной структурой (в среде непосредственно основной массы татар), с языческой религией с примесью шаманства. Существование юрта находится под непосредственным влиянием Золотой орды, которая назначает сюда своих наместников. Народность главным образом тюркско-монгольская, для которой землевладение „не только не является имущественным основанием политической власти, но перестает быть экономической категорией сколько-нибудь значительного удельного веса. Основной опорой власти сделался аристократический класс профессиональных воинов, в массе не связанных с землей“².

Таким образом, к моменту прихода в Крым татары были воины-скотоводы, но не земледельцы.

Какие же племена мы имеем в составе Кипчакской орды? Четыре монгольских: ташлы, кулеч, каинчи, чуюнчи, узбекские племена найманы, китаи. Узбекские роды кият, просто узбеки, туркмены, калмыки, киргизы, кипчаки³. Вот те среднеазиатские племена, которые заполнили Крым и создали постройки Крыма.

Постепенный переход к оседлости заставил татар воспроизвести некоторые формы, им ранее присущие по Средней Азии и возможные к воспроизведению благодаря наличному материалу (географическая среда), а также заимствовать жилища тогдашних аборигенов Крыма, в Предгорьи—гстов, на южном берегу—греков и генуэзцев, только при условии их одинакового производственного бытия.

Так, например, оседание на землю и первичное земледелие татар в горном Крыму повлекло с развитием земледелия воспроизводство деревянных жилищ, созданных в горном Крыму, но более ранним, чем татары, там жившим дотатарским населением.

¹ Происхожд. семьи, частной собственности и государства, стр. 7.

² Ходоров, К вопросу об исторической эволюции землевладения в Туркестане, „Историк-Марксист“, 1923.

³ См. А. Ив. Маркевич, Географическая номенклатура Крыма как исторический материал, изд. ТОИАЭ 1928.

Условно этот народ мы теперь называем готами, однако окончательный ответ получим лишь в результате дальнейшего исследования Крымского предгорья.

Прежде чем перейти к рассмотрению географической среды, коснусь еще некоторых интересных исторических фактов, характеризующих трудность перехода к новым формам использования естественных условий производства.

До перехода к оседлости происходили интересные инциденты между „бюрократической верхушкой“ орды—ханом—и основной массой степняков. Стремление ханов „посадить“ татар на землю подтверждается следующей интересной выдержкой: „После него в том же духе действовал Сагиб Гирей; убедившись в безопасности такого способа, он начал обуздывать кочевые замышки татар топорами: он велел рубить колеса у арб всем, кто вздумает выехать из Крыма на кочевки, и взамен этого раздавал лес на постройку жилищ... насильственные меры не достигли цели“.¹

Попытки насильственного изменения способа существования не увенчались успехом. Необходимы были более основательные причины. Они со временем появляются. „С расширением русского царства на юг поле для набегов и грабежей крымских татар постепенно уменьшалось; набегι стали гораздо реже удачны, чем прежде. С уменьшением набегов уменьшалась и добыча, с уменьшением добычи уменьшались и средства существования, а потому татары волею и неволею должны были заняться тем, что помимо набегов дает средства к существованию“.²

Не столько уменьшение поля для грабежей (это не был источник существования), сколько то, что татары лишились степей, естественной базы скотоводства, вот что заставило их перейти к новым формам хозяйствования. Переход к земледелию и был моментом прямого столкновения с географической средой при постройке „земледельческих“ монументальных жилищ.

Таким образом, начало этого процесса мы относим к второй половине XVI в., когда татары перешли на земледельческий труд с соответственными видами построек.

Татары использовали те возможности, которые имелись в степном Крыму, „где чувствуется недостаток в лесном строительном материале, основой, образующей стены жилого помещения, является плетень, что приводит к новому типу жилья—мазанкам и их разновидностям“.³ Характеристика, даваемая Харузиным, является правильной и для степного Крыма полукочевого скотоводства. „Основа при устройстве плетневых жилищ заключается в том, что стойки, образующие, так сказать, раму, переплетаются плетнем от одной к другой, чем образуются стены.

¹ Хартахай, Исторические судьбы крымских татар, „Вестник Европы“, т. II, 1866 г., стр. 206.

² Там же, стр. 206.

³ Харузин Н. Жилище тюркских народов, стр. 40.

Потребность сделать жилье более теплым приводит, как и при устройстве балаганов, к закидыванию стен глиной, навозом и пр., вследствие чего оно становится менее доступным холоду и ветру“.¹

Точно также „среди киргизов Букеевской орды материал дома — глина, которая идет на выделку кирпичей, просушиваемых на солнце“.²

Подчеркивая мысль Харузина, что эти типы жилищ возникают при недостатке в данном случае лесного материала (строительного), а также превращаются в мазанки для того, чтобы они стали более теплыми, я должен отметить, что эти обстоятельства и явились причиной распространения этих двух типов домов из самана — глиняных кирпичей — и из плетня. Характерные для степного района и являющиеся, повидимому, наиболее старыми, они завоевывают себе место и в горах, где вырублен лес и есть только кустарник.

Саманные и плетневые дома сейчас вытесняются конкуренцией русского каменщика, строящего дом и теплее и прочнее. Плетень и саман можно видеть и в качестве постройки для жилья и хозяйственной постройки, например, ахьг (сарай).

Возобновлению старых форм способствует экономическая слабость того или иного крестьянина, который жилой дом строит из плетня или самана, в то время как у кулака и сарай бывает каменным.

Помимо этих двух старых форм жилья, возобновленных, фигурально выражаясь, капиталом через 6—7 веков, мы имеем еще редкий тип современных построек, имеющих аналогии по крайней мере в неолите. Они являются результатом максимального использования естественных возможностей: это пещерные постройки.

Что за причина таких социальных „скачков“? Одни из них вытекают непосредственно из экономической слабости той или иной части населения, вторая причина несколько иного порядка.

Это вопрос взаимоотношения оседающего кочевника со „строй-материалом“ и самого наличия строительных материалов.

Поэтому является необходимость в использовании природных предпосылок, в максимальном использовании естественных возможностей — пещеры.

Если при первом оседании мы не наблюдаем развитого процесса жилья, то к позднему времени мы можем настаивать на перерастании примитивного процесса производства, в котором участвуют глина, плетень, деревянный кол и в основном человеческая сила, в более сложный процесс только при развитии земледелия, когда татары начинают знакомиться с более сложными предметами труда. Основательное знакомство с последними дало возможность приступить к более сложным постройкам. Не

¹ Харузин Н., ук. соч., стр. 70.

² Там же, стр. 81.

примитивность современных орудий жилищного строительства (топор, balta — пила, клин—şara) являлась тормозом более уточненного строительства, а незнакомство с новым предметом труда, камнем, деревом; с другой стороны, как указано выше, причина лежала в экономической дробности населения.

Изменение в кочевнической стадии повлекло к необходимости создать соответствующий тип жилья, незнакомство с предметом труда тормозило постройку сложных форм, возможных только при другом материале, и, наконец, знакомство с новыми материалами вызывает окончательный переход к камню и дереву.

Пещерная постройка есть воспроизведение форм неолита, являясь результатом различий в экономическом состоянии крестьянина; в то же время она является показательной, как переходная форма (осложнение форм) построек при одинаковых производительных силах, как то: земледелии и оседлом скотоводстве.

Большая или меньшая экономическая „мощь“ позволяла привлекать большее или меньшее „количество“ техники, которая и влияла на постройку.

Относительный рост цивилизации и культуры при капитализме, абсолютно увеличивающийся только для незначительного количества людей — буржуазии, подчеркивается разоряющимся большинством деревни, которое снижается, а не повышается по лестнице культурных достижений человечества. Рост буржуазной верхушки деревни обеспечил воспроизведение исторически ранних, примитивных по технике жилищ и появление „неолитических“ форм жилья для основной массы населения в некоторых деревнях предгорного района.

ПЕЩЕРНЫЕ ПОСТРОЙКИ.

Рассмотрение отдельных типов жилищ я начну с хозяйственных построек, поскольку считаю, что постройка возникает сразу и как жилище и как хозяйственный амбар (понятие последнего условно).

При развитии жилища, жилье отделяется от хозяйственных построек, и хозяйственная постройка подчас повторяет технику развивающегося жилья, однако отставая от последнего.

Начинаю обзор с построек, которые хотя и немногочисленны в нагорье, но крайне интересны.

Мое исследование относится к скаловым навесам меловой гряды (второй гряды гор Крыма) деревни Черкес-Кермен в 22 км к востоку от Севастополя (теперь Бахчисарайского района).

Загадочное название Черкес связывают с кавказскими полками, имевшимися у хана, однако хочется заметить, что название Черкес могло получиться от имени Черкес-бея в восьмидесятых годах XIV в., имеющего связь с генуэзцами.¹

¹ Брун, Черноморские готы и следы сии, стр. 40 — 41.
их долгого пребывания в южной Рос-

Деревня существует как татарская крайне недавно, поскольку на ее месте было греческое поселение, впоследствии переведенное графом Орловым в Мариуполь в 1778 г.

Жилище этой деревни есть результат строительства татар за промежуток 100—150 лет. Изучаемое „жилье“ может с успехом искать себе исторической аналогии по крайней мере в неолите.

Занятие жителей деревни — земледелие и скотоводство (бараны), для которых необходимы специальные помещения, загоны.

Если принять во внимание социальный состав деревни (а именно: батраков — 4 хозяйства, бедняков — 105, середняков — 35, кула-

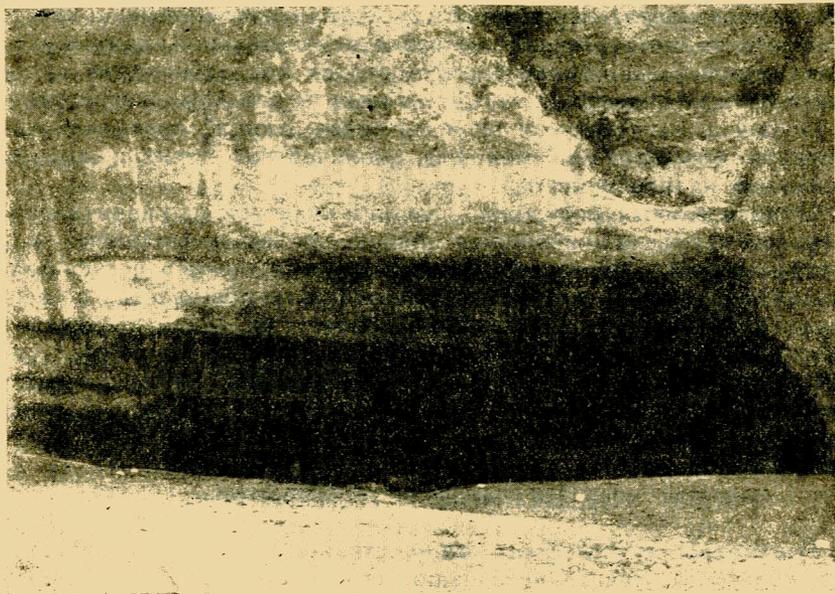

Рис. 1. Козара — общественный загон для скота.

ков — 7),¹ то станет ясно, что малое количество экономически сильных (сарай стоит от 100 р.) заставляет жителей прибегать к наибольшему использованию естественных, природных возможностей. Экономическая дробленность населения послужила стимулом к тому, что типы жилищ и хозяйственных построек явились отражением возможностей самого населения. Этим объясняются те градации в технике, которые мы наблюдаем в этих постройках.

Использование пещерных навесов под хозяйственные нужды существует, вероятно, давно. Мы встречаем упоминания у Караулова:² „Расширив их [пещеры. А. Б.] во все стороны и огоро-

¹ Данные поселенного списка 1929 г. Записки Одесского Общества Древностей, VIII, стр. 47.

² Пещерные города и крипты Крыма,

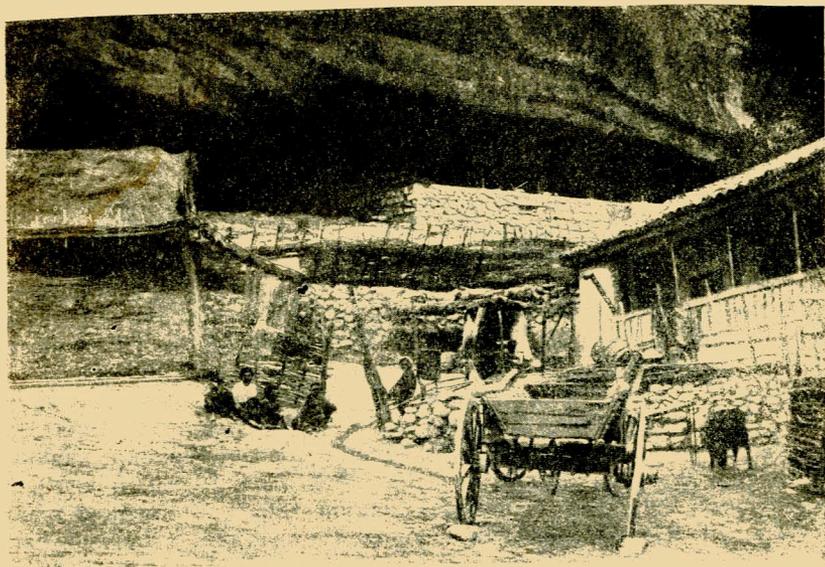

Рис. 2. Кулацкий загон для скота — „ajda“. Сложен из штучного камня.

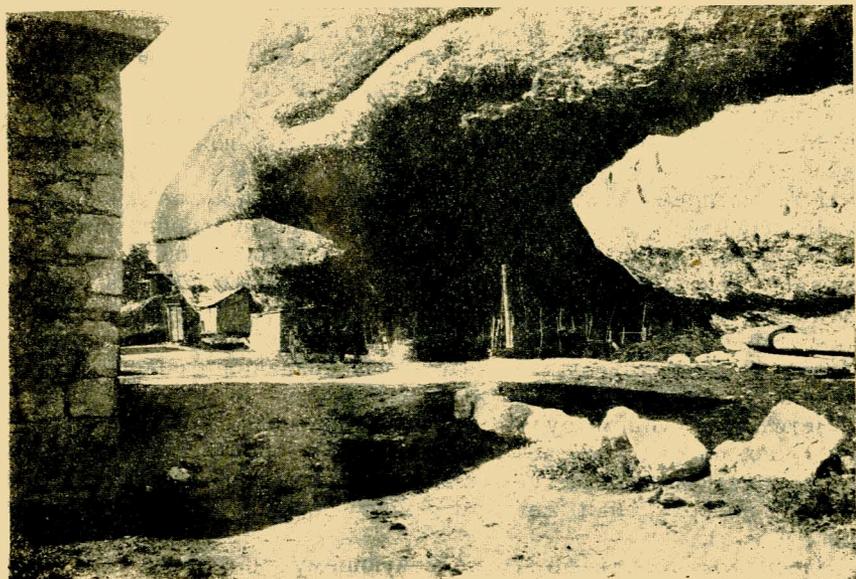

Рис. 3. Начало собственности — внутреннее деление козар'я.

див спереди плетнями, они обратили их в загоны для скота, в кладовые и пр. А под навесом одной из таких пещер поставлен даже целый татарский дом“.

Мягкий меловой известняк вымывается и выветривается в длинные и глубокие навесы, которые по-разному используются жителями деревни.

Первые большие пещеры у входа в деревню используются для ночевки овец. Эти пещеры называются „koşar'a“ и фактически являются простым использованием без всякого изменения со стороны человека. Дело в том, что в „koşar'e“ помещается „общественный“ скот, который пасется вместе одним или двумя „собаками“ от всего „общества“. Поэтому и „koşar'a“ не имеет никаких отличительных знаков, изгородей и т. д. (рис. 1).

Следующий тип представляет собой пещеру почти без изменения. Это пещеры для сушки табака. Обычно выбираются пещеры не очень глубокие, но все-таки достаточно скрывающие от дождя. В стенах выбиваются ямки в 10×10 см, в которые вставляются „catal'ь“ с нитями папуш табак. Иногда бывают более сложные постановки сушилен: выбивают углубления в полу для укрепления вертикальных столбов, увеличивающих площадь размещения табака.

Третий тип (фактически начало постройки) — это обычные „koşar'ы“, которые впереди имеют или каменную, или плетневую ограду.

В скалистом грунте делаются углубления, в которые вставляют вертикально столбы приблизительно на 1 м 50 см — 2 м один от другого. Затем все забивается плетнем.

Иногда эта же стена делается из камня. Смотря по тому, кому принадлежит этот загон, он делается или из необтесанного, или штучного камня. Ограды такой формы называются „ajda“ и служат главным образом только летними загонами для скота (рис. 2 и 3).

В то же время в отличие от общественных „koşar“ они являются первыми показателями выделения частной собственности. Сами площади частных владений гораздо меньше общественных „koşar“. Так, например, площадь частного загона 70 — 80 кв. м, тогда как общественная „koşar'a“ не меньше 200 — 300 кв. м.

Третий тип есть лишь начало ограждения частной собственности, но он не предусматривает еще создания теплого помещения.

Четвертым типом будут те виды построек, которые передней частью не только огораживают „собственное я“, но создают элементарные условия жилья: или передняя стена доведена доверху, или же дом имеет потолок, начало крыши (рис. 4 и 5).

Здесь мы имеем по господствующему материалу плетень, с его обычным устройством. Дело в том, что плетень дешев, удобен для строителя, может быть использован при малом на-

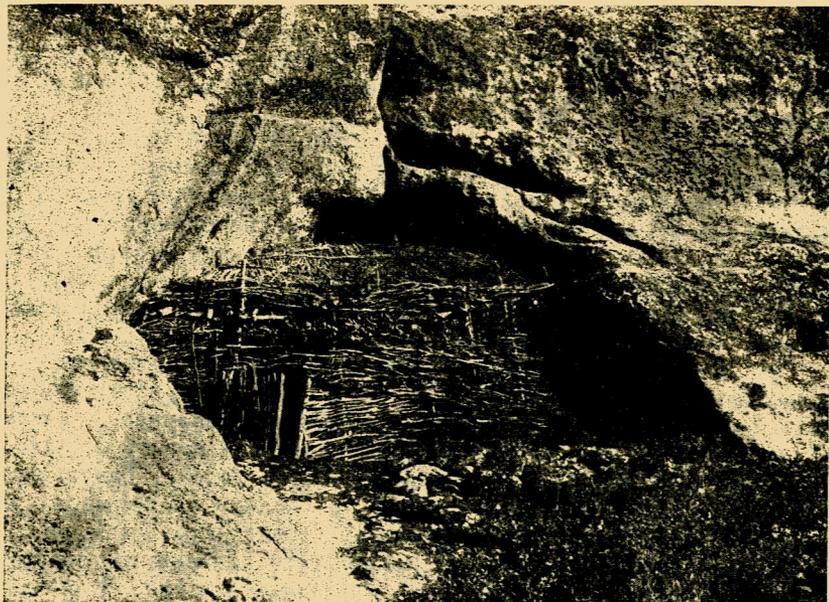

Рис. 4. Плетневая стена пещеры. Скотная постройка „агап“.

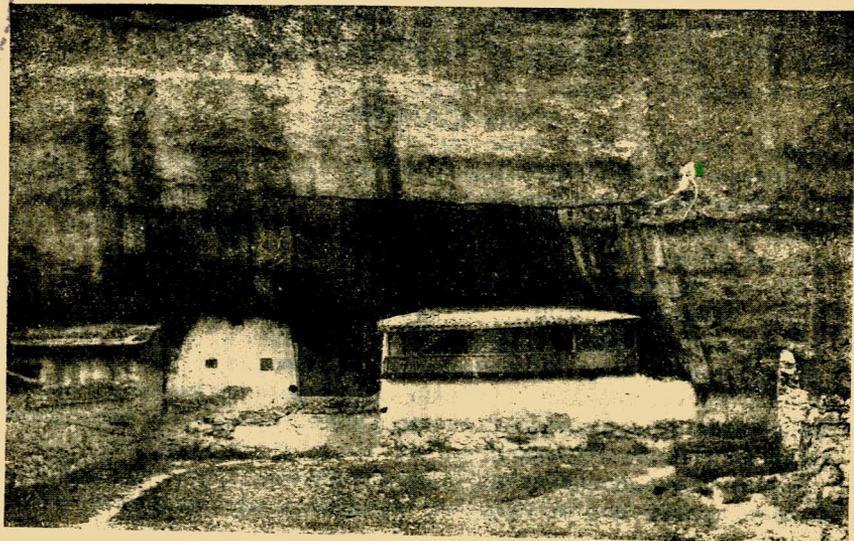

Рис. 5. Дом Аби; имеет стены, но нет всей крыши.

20196
БОТЕНКА И. В. П. (6)

личии рабочей силы и в то же время, обмазанный глиной, представляет более или менее удобное жилье для скота. Те же вертикальные столбы с переплетенным хворостом, который не очищается от веток и листьев.

Когда стена выведена до надлежащей высоты, то кладется жердь в 10 см в диаметре, на которую при помощи простых зарубок упираются стропила козырька, прикрывающие пространство между стеной и скалой. Иногда же стена непосредственно доводится до скалы. Помимо плетневых, есть еще и сложенные на глине каменные стены из дикого камня.

Жилое помещение имеет внутри, помимо доведенной доверху стены, комнату с деревянной облицовкой стен.

По мере увеличения внутренних ресурсов хозяйства дом „выходит“ из-под скалы наружу. Весь смысл этого процесса заключается в том, что дом „экономит“ сначала три стены, одну стену, затем только одну черепичную крышу и, наконец, двигаясь вперед, получает черепичный козырек. Такую экономическую эволюцию можно было проследить на примерах дома Сейдаметова и дома Аби в деревне Черкес-Кермен (см. рис. 5).¹

Формы пещерного жилища после всего сказанного теперь нам ясны: 1) общественные „kosar'ы“, 2) сушильни табака, 3) собственные и индивидуальные „ajda“, 4) постройка стены, создание жилья: а) целиком зависимо от пещеры, от природных условий, б) частично зависимо от природы (рис. 6).

Однако эти типы жилищ характерны для иллюстрации развития жилища от пещеры к самостоятельному жилищу — в древности благодаря развивающимся производительным силам, а ныне по мере овладения необходимыми производительными силами той или иной экономически отсталой группой населения.

САМАН.

Прежде всего надо оговориться, что саман и плетень как основные виды построек не являются характерными для построек предгорья, где в основном фигурирует камень и в некоторых местах дерево.

Мною дана историческая справка о возникновении этих двух форм жилища, которые я считаю одними из самых старых в Крыму (у татар).

В горном районе мне попалось даже самостоятельное производство самана для продажи. Это в районе Верхнего Керменчика, где его готовят, смешивая глину с песком, добываемым из горных отложений.

Кроме того, встречается такое производство в Ашага Каралезе. Саман готовят главным образом в местах, где есть достаточно глины, песку и воды. Так, например, наибольшее количе-

¹ О технике плетня и камня см. ниже, стр. 22.

ство саманных построек я встретил по течению реки Бельбека (Беркой, Кабарта, Каралезы), Качи (Керменчики, Пычки и т. д.).

Глина и песок замешиваются в земляных углублениях или просто на поверхности при помощи лошадей; продолговатая форма кирпичам придается ящиками без дна, называемыми „kalib“. Саман требует несложного процесса производства, наиболее удобного для постройки жилища у кочевника. Саман высушивается на солнце и сейчас же готов для употребления. Однако саман может выдержать только один этаж, так что из него кладется одноэтажный дом. Предварительно строится рама дома. Для крепости саман зажимается в рамы. При самой кладке поверхность самана смачивается жидкой глиной.

Саман кладется в два-три ряда (в толщину), смотря по размерам. Средний размер его $10 \times 10 \times 40$ см или $15 \times 15 \times 50$ см.

Если дом в два этажа, то низ обычно делается из камня, на который укладывается второй этаж. Схема крыши почти одинакова во всех крымских постройках, так что детальное описание деревянного дома со всей терминологией (см. ниже) даст представление и об остальных постройках.

Для укрепления самана устроены в рамах накрест сходящиеся палки 10—15 см толщиной, называемые „odon“. Общая схема, таким образом, следующая: большие бревна, на которых укреплены рамы с наискось вделанными планками; внутренние полости рам забиваются саманным кирпичом.

Одноэтажная постройка не всегда имеет планки „odon“, и сами стены часто кладутся прямо на землю (рис. 7).

Этот тип постройки в своем чистом виде настолько прост по технике и по материалу, что становится ясным: саман наиболее подходит к требованиям оседающего кочевника, еще не знакомого со сложными средствами труда и с самим материалом основного строительства — камнем и деревом.

Не удивительно поэтому и то, что выселенцы деревни Черкес-Кермен при организации колхоза употребляли для постройки временных жилищ саман, как дешевый строительный материал, легко используемый в примитивной временной постройке.

ПЛЕТЕНЬ.

Я уже указал предпосылки организации жилья из самана и плетня, но надо отметить еще, что плетень не явился повсеместно распространенным в степи Крыма.

В районе предгорья плетень явился в самых разнообразных видах: 1) самостоятельная постройка, 2) части построек, 3) часто из плетня делается только фасадная стена дома, где прорезываются окна и двери (subuk duvar) и, наконец, 4) плетневые заборы, загоны и мн. др.

Плетень чрезвычайно употребителен в хозяйственных постройках ахыр (сарай) и т. д.

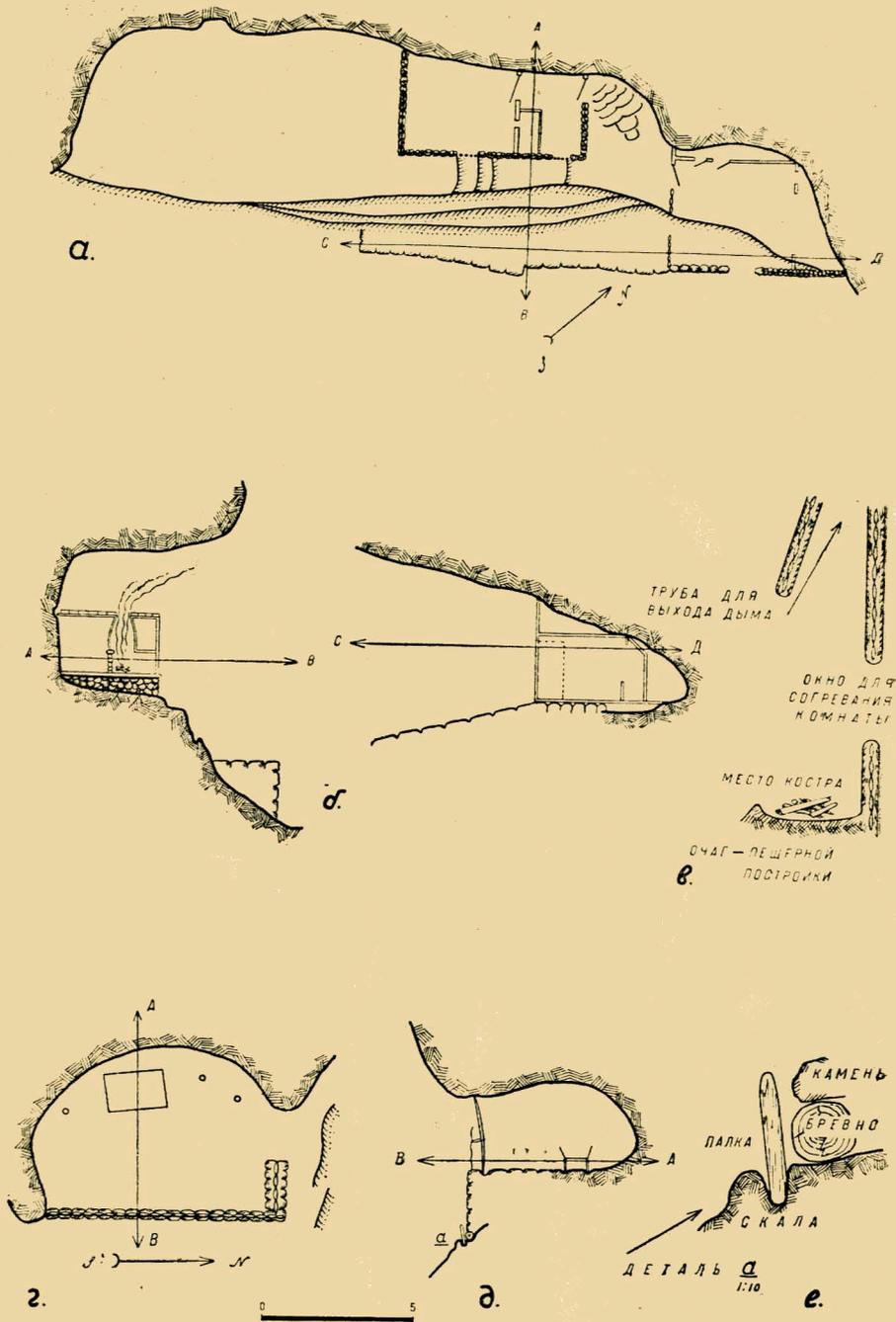
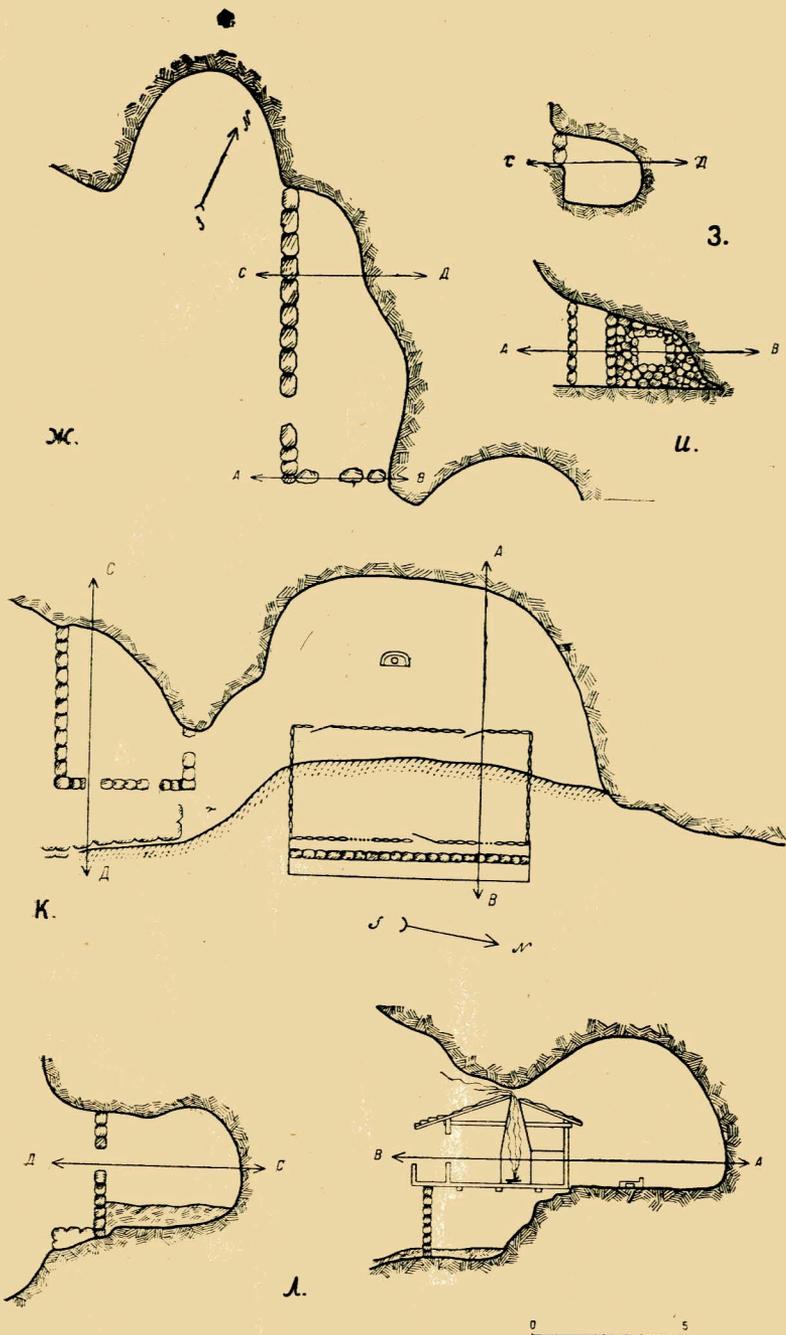

Рис. 6. а. План пещерного комплекса № 1. б. Разрезы к плану комплекса № 1. разреза. ж. План комплекса № 3. з-и. Разрезы комплекса № 3. к. План ком-дер. Черкес-

ж. Деталь. з. План комплекса № 2. д. Разрез к плану комплекса № 2. е. Деталь плекса № 4 (дом Аби). л. Разрезы к комплексу № 4 (Бахчисарайский район, Кермен).

Постройки из одного плетня мало, они по большей части обмазываются глиной (рис. 8).

Плетень „aran“—обычный переплет отдельных веток „subuk“ через вертикально укрепленные на расстоянии 50—80 см одна от другой жерди „catal“. Сверху плетень „saly“ имеет обмазку из жидкой глины „sambr“, которая „утепляет“ постройку.

Такие формы жилища встречаются преимущественно в предгорной полосе, в районе распространения крымских маквисов.¹

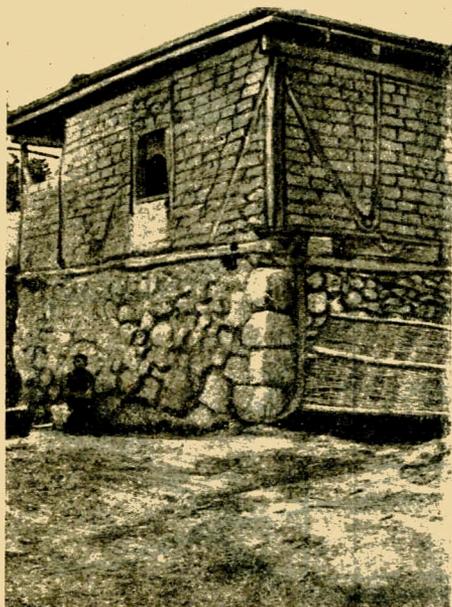

Рис. 7. Использование самана.

Вывоз в степь кустарника для постройки, конечно, не является выгодным, почему плетень и употребляется преимущественно в лесистой полосе Крыма.

Плетневая одноэтажная постройка делается следующим образом: выбираются шесть жердей с развилками. Четыре из них, покороче (см на 50), устанавливаются по углам будущего здания, а по оси устанавливаются большие жерди. На развилки кладутся шесть, которые являются основой крыши.

Такой примитивный остов характерен для плетневых жилищ одноэтажных, которые можно встретить в садах, во временных постройках (рис. 8).

В более крупных постройках из плетня, как уже указывалось, делается только одна передняя стена, остальные стены второго этажа из плетня.

Надо отметить исключительную легкость возведения плетневой постройки. При устройстве плетневого жилища участвуют все члены семьи. Кроме того, такое жилье можно сделать очень быстро. Дверь делается из двух толстых палок 15 см в диаметре, которые держатся параллельно при помощи деревянных палочек, являющихся остовом для переплета, „subuk'ом“. Укрепляется она на вбитой в землю оси при помощи веревок или кусков кожи.

Способ ее укрепления на кожаных петлях или специально сделанных деревянных петлях аналогичен укреплению дверей

¹ Полоса молодого леса.

в кибитке. Элементы плетневого жилища (дверь, постоянный остов, переплет) роднят плетенку с теми видами кочевых построек, которые нам известны. Здесь наиболее ярко выступают черты кочевничества, первичная замена производственно более ценного — шерсти — массовым подручным материалом — кустарником.

Примитивность плетня приводит нас к первой, кочевнической стадии татар. Устойчивость и стремление к постоянству и разборности элементов жилища есть отражение полукочевой стадии. Именно полукочевую стадию, комбинацию плетня и камня, и запечатлело предгорье.

КАМЕНЬ.

Чрезвычайно интересен генезис производства каменного жилища. Каменная постройка Крыма развилась из исторически ранних самана и плетня, постепенно вытесняя последний.

Рис. 8. Плетневая постройка.

Не стоит для раскрытия каменной постройки обращаться к соответствующим строителям из камня, „учителям“ извне. Различные градации в технике каменных построек современной деревни и есть лучший показатель исторически самостоятельного процесса образования жилищ у татар.

Схематично этот процесс намечался по следующим путям.

Для укрепления остова самана или плетня делается каменный фундамент; площадки, аналогичные таким фундаментам, мне приходилось наблюдать в горном районе Туркмении, в районе Ко-

пет-Дага, где остов кибитки укрепляется на каменном фундаменте.

Тогда мы имеем тип каменного фундамента, который с развитием хозяйства перерастает в каменный нижний этаж с легким саманным или плетневым верхом.

Постепенно происходит вытеснение камнем этого верха, создаются каменные стены. Сначала бутовые в коробке наподобие саманных „duvar“ с мелким камнем „isar“, а затем из крупного камня.

Каменная кладка идет следующим образом: укладываются углы из больших тесаных камней, середина забивается бутом. Угловые камни затесываются только в наружной части. Над дверями, окнами вставляются балки для лучшего упора.

Если верхний этаж не из крупного камня, то мелочь бут укрепляется в рамы с палками „odon“. Размер рам 1 м 50 см × 2 м.

Рамы крепятся при помощи простых лап и сделаны из грубо отесанных планок. Отесываются они простыми топорами „balta“. Камень бьется молотком „tokmaq“.

Если второй этаж сделан из более легкого материала, то он часто выступает над первым, поддерживаясь на больших бревнах „gasan“. Выступление второго этажа имеет целью главным образом экономию места на улице. Точнее — нижний этаж сжимается, в то время как верх остается без изменения. Если же это дом, нижний этаж которого имеет коммерческие цели, то, понятно, верхний этаж служит навесом над лавкой, кофейной и т. д.

Каменная постройка татарской деревни, чрезвычайно архаичная, запечатлела на себе переходные этапы. Однако теперь в деревню проникает русский каменщик, который строит дом и прочней и теплей. Такой дом и является сменой отмирающему жилищу из самана и плетня и комплексу последних с камнем.

ДЕРЕВЯННОЕ ЖИЛИЩЕ.

Описанию деревянного дома я уделяю немного больше внимания ввиду почти полной неизученности этого вопроса, а также благодаря тому, что термины и детали крыши почти целиком относятся к ранее указанным постройкам.

Описанная ниже деревянная постройка есть типичный представитель ряда жилищ, раскинутых по району.

Общее мнение жителей, что деревянный дом „catma ev“ является старейшей постройкой: приблизительная датировка, по словам крестьян, „триста лет“, „при ханах“ и т. д.

Дом Бекир Умерова считается старейшим в деревне Юкары-Каралез в 25 км к северо-востоку от Севастополя.

К покатутому склону горы прилегает дом, фундамент которого сложен из камней. Фундамент фактически представляет собою нижний этаж дома, в котором живут зимой во время холодов, а летом его превращают в подвал.

Начиная с нижнего этажа идет „cuval“ (собственно в переводе значит мешок) — колпак для сбора дыма над костром, сделанный из плетенки, обмазанной глиной, являющийся трубой, дымоходом к „udjaх’у“ (очагу). От костра, раскладываемого внизу (в нижнем этаже), огонь и теплый дым накаливают плетенку, которая и обогревает помещения верхнего этажа. Так как этот дымоход идет до крыши без всяких изгибов и только наверху отчасти прикрыт черепицей, то очаг часто заливает водой.

Нижний этаж сложен из камней разной величины, приблизительно в среднем $30 \times 40 \times 50$ см. Камни связаны между собой глиной (рис. 9 и 10).

Рис. 9. Стена с деталями постройки; скрепления плах: 1) каменный фундамент, 2) продольные бревна, 3) стены, 4) сруб, 5) колышек, гвоздь, 6) упоры, 7) черепица, 8) упоры (Дом Бекир-Умерова, дер. Юкары-Каралез.)

Верхний этаж сделан из дерева, причем одна из стен, прилегающая к скату горы, обнесена стеной из бутового камня для предохранения от скатывающихся с гор камней.

На стенах нижнего этажа, т. е. на высоте 2 метров, по каменному фундаменту лежат большие бревна, продольные „sember taban“ и поперечные „rasan“. Двенадцать из них, поперечные (rasan), длиннее каменного фундамента на 2 метра и образуют основу верхней террасы. На этих бревнах (rasan) по плану каменного фундамента из дубовых досок, сделанных при помощи „sara“ (клина), возводятся стены, обработанные топором (balta). Бревна, верхние плахи „agac“ ($60 \times 18 \times 200$ см), скреплены между собой по углам срубом „kertyq“ (10×15 см), причем концы „agac“ выступают вперед на 20—50 см.

Эти плоские бревна „агас“ укреплены между собой при помощи вертикальных бревен по продольным стенам. Вертикальные бревна не дают возможности соскальзывать боковым плахам стен. Для крепости сцепления последние прикрепляются при помощи „суі“, колышка с шляпкой, причем для каждого бревна одна „суі“а“. Величина ее 18 см, диаметр 5 см.

Такие же бревна и на боковых стенах, где их форма изменена общей формой стены, — они сходятся кверху под углом. Можно, однако, наблюдать и исключения.

Эти упоры стенных плах по продольным стенам называются „celiq drek“ (17 × 11 × 250 см); упоры, сходящиеся конусом на

Рис. 10. Деревянный дом: а) упоры, б) решетка, с) терраса, d) нижний этаж, е) фундамент, g) основное бревно (Верхний Керменчик.)

поперечных стенах, называются „heivant“ и имеют те же размеры, что и „celiq drek“.

Наверху на боковых стенах лежит коневое дерево „araklyq“, которое поддерживают особые приспособления „kirьs“.

„Kirьs“, перевязь дома, состоит из длинного бревна, перекинутого со стены на стену, на которое опираются бревна „makas“, в свою очередь соединенные у коневого дерева при помощи деревянного паза.

Таким образом перекрещенные вверху „makas“ поддерживают коневое дерево, сами опираясь на концы перевязи. Для того, чтобы перекрещенные „makas“ не опускались, они, помимо паза

снизу, поддерживаются также перпендикулярным бревном, носящим то же название „makas“.

Итак, схема этого переплета — равнобедренный треугольник с углом в 140° .

На дом в 15 метров длины — три „kirьs'a“; поперек их перекинуты с каждой стороны по три штуки „umurga“ — четырехугольные стропила (15×10 см).

Поверх последних лежат доски „taxta“, которые иногда еще называются „sacax“. На эти доски насыпана и утрамбована земля, на которой еще лежит черепица (keramet), весьма распространенная на юге России.

Помимо этого, двенадцать малых стропил „olux“ в более горизонтальном положении лежат одним концом на передней стене (фасаде), а другим — на длинном бревне „taban agac“. „Taban agac“ стоит на 6 колоннах „drek“ с „kartel'ями“ (капителями). Основания колонн стоят также на нижнем бревне „sember agac“, которое в свою очередь лежит на указанных двенадцати бревнах „rasan“.

Таким образом получается костяк террасы „sofa“, являющейся принадлежностью почти всех домов татар.

Интересна еще одна деталь. Одно из бревен стен выступает на 70 см, и от него к крайнему стропилу стоит упор, называемый „tajama“, длиной в 80 см. Такие „tajam'ы“ идут вдоль карниза, поддерживая последний.

Края крыши отделаны доской, называемой „sacax-su“; карниз до 20 см. Окна верхнего этажа разделены решеткой „parmakloq“ из трех-четырех прутьев (рис. 11).

Вот краткое описание интереснейшего вида постройки, которая вклинивается в развитие крымского жилища, отличаясь несколько иной спецификой своего возникновения и роста.

В чем же специфика возникновения и роста деревянного жилища? Довольно развитая форма и техника деревянной постройки заставляет призадуматься, насколько возможно такое быстрое овладение строительным искусством. Выше указывалось, что оседание татар в горном Крыму произошло не раньше чем во второй половине XVI в., в то время как датировка этой постройки—XVII век, а, может быть, и раньше.

В течение одного или полутора столетий, конечно, кочевники сами не смогли дойти до техники постройки, которая должна была сложиться в более продолжительное время у земледельческого народа. Таким земледельческим народом был в средние века в предгорьях Крыма народ, именуемый теперь условно готами.

Здесь я допускаю заимствование, но при следующих условиях: это не есть только заимствование — это воспроизводство техники, „чуждой“ по происхождению, но „родной“ по экономической обусловленности.

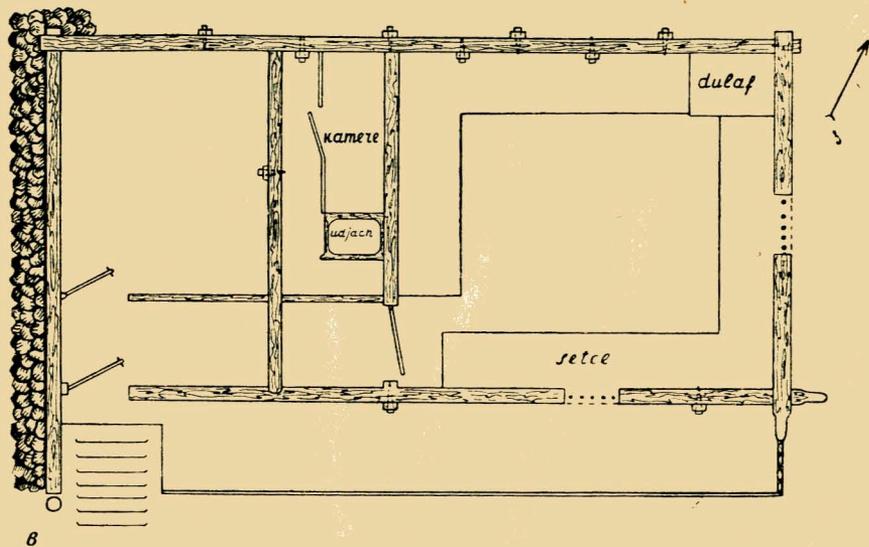
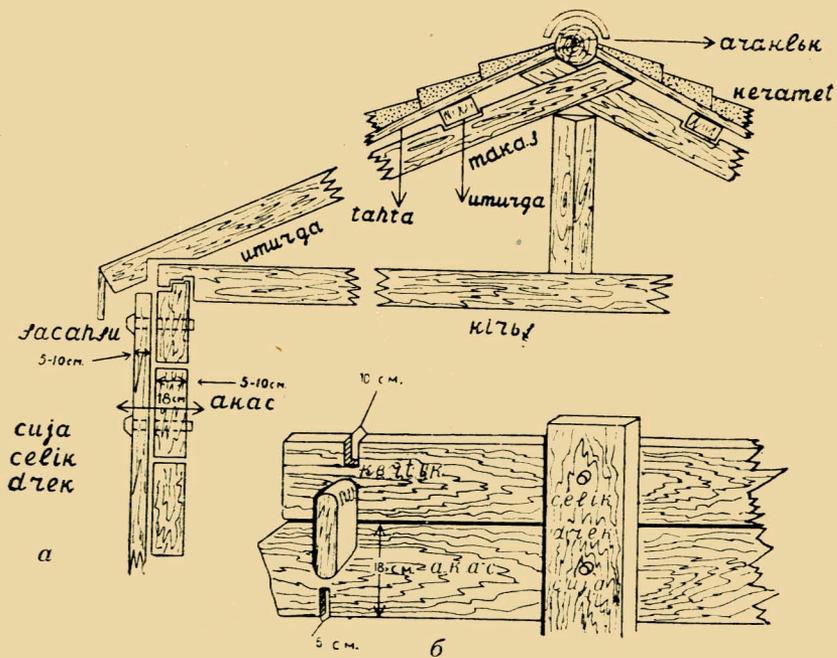

Рис. 11. Постройка из плах: а) план, б) деталь схема крыши, в) деталь скрепления плоских бревен. (Дом Бекир-Умерова, Бахчисарайский район, дер. Юкары-Каралез.)

Тюрки, переходящие от скотоводства к земледелию, и „отмирающие“ как политическая единица готы стали равны экономически. Переход татар на новое производство — земледелие — вызвал и форму жилья, как определенную форму средства „воспроизводства человеческой энергии“. Такое „заимствование“ определяется почти тождественным экономическим развитием, одинаковыми производительными силами. Из одинаковости хозяйственного бытия и вытекает одинаковая форма жилья. Отсюда и возможность влияний экономически более сильного народа, который с экономикой передает и такие средства производства, как жилище.

Перед нами экономически более сильное общество, которое в результате борьбы противоречий между ним и готами имеет элементы, присущие двум хозяйственным формам: саман (полукочевое) и дерево (оседлое).

В дальнейшем татары развивают и совершенствуют „заимствованную“ ими технику деревянного жилища.

Таким образом, этот тип постройки появляется в результате взаимоотношений кочевников с земледельцами. Переход к земледелию привел к заимствованию деревянного жилища, спутника земледельческого производства горного Крыма.

На вопрос, кто явился создателем этого земледельческого производства, должны ответить результаты археологического исследования более ранних стадий предгорного и горного Крыма.

Положение этого вопроса в настоящее время оставляет желать лучшего, ибо вопрос упирается не в производство, а в те же скучные вопросы поисков нации, с тенденцией к пангерманизму (готы).

ОТОПЛЕНИЕ.

Придется остановиться еще на некоторых элементах жилища, чтобы закончить „этнографическую“ классификацию. Отопление наиболее показательно для характеристики оседающего кочевника, равно как и „внутренность“ жилища. Очевидно, что эти два элемента почти целиком подчинены так называемым „пережиткам“, бытующим в современной, давно осевшей деревне татар. Действительно, обычная форма отопления татарского дома это „odjah“, „udjah“.

„Odjah“ собственно „очар“, убитая глиной площадка (75×75 см) с краями, на которой разводится костер, ставится „kasan ajak“ для варки пищи („kasan ajak“ дословно значит „ножки казана“, котла). Дым собирается в конусообразную трубу, остов которой делается из плетня и обмазывается глиной. Колпак над „suval'om“ (мешок) укрепляется над костром не выше 1 м и суживаетсяверху, превращаясь в трубу без всякого колена (рис. 12). Коленных труб татарский дом еще не знает. Труба „ers byr“ представляет собою просто сложенный из камней край этого „suval'a“, прикрытый черепицами, чтобы в огонь не

попадала вода. Размер основания „cuval“ 1 м 50 см × 1 м, а размер выхода не более 50 × 50 см.

Помимо этой самой распространенной формы, непосредственно связанной с обычным костром и отверстием для дыма кочевнической кибитки, есть еще дополнительная печка, орудие домашнего производства, „frenix odjah“. „Frenix odjah“ маленький очаг, защищенный с трех сторон от ветра, для приготовления пищи.

Один помещается около порога дома, другой в комнате. Только недавно на этот заслон стали сверху укреплять чугунные

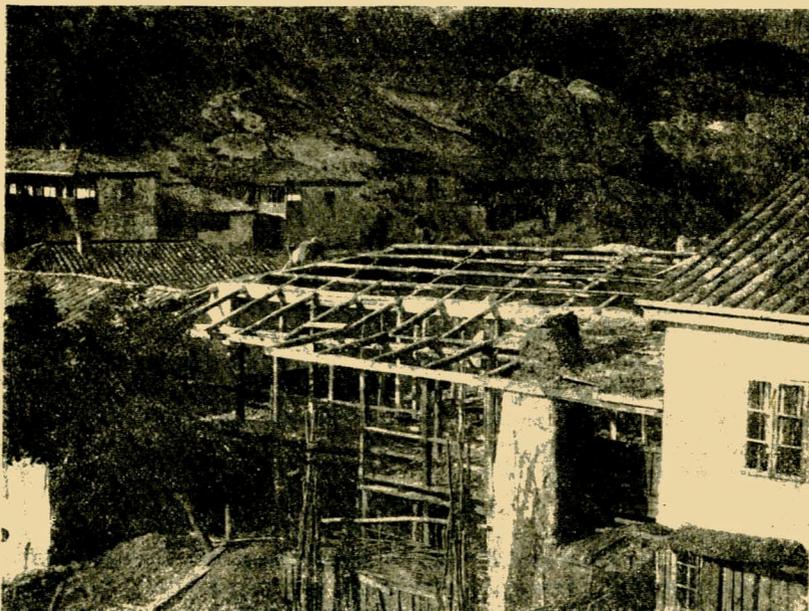

Рис. 12. „Odjah“ и его устройство.

листы, превращая в почти „современную“ печь. Однако высокие борта этой печки, примитивность полукруглой формы не оставляют сомнения, что это по существу тот же „odjah“, который можно найти у всех кочующих народов. Размеры его вполне тождественны. „Frenix odjah“ имеет размер 1 м × 80 см, и высота от 30 × 50 см.

Если две разобранные формы печей укладываются в историческое развитие татар без труда, то трудней обстоит дело с печью для хлеба. „Furun“—конусообразная печь с основанием иногда до 1 м 50 см × 1 м 50 см, вышиной до 1 м 50 см, с площадью хлебопечения 80 × 80 см и вышиной до 50 см. Имеет выход для дыма после натопки для посадки хлеба. Внизу иногда

помещается курятник, использующий зимой тепло от „второго“ этажа печи.

Форму, аналогичную фуруну, я встречал только у оседлых народов; так, например, „tenir“ у туркмен, у которых он немного видоизменен для посадки лепешек, которые прилепываются к нагретым стенкам печи. Для этого устроено отверстие сверху, что, конечно, неудобно для посадки хлеба. Таким образом, „furun“ есть перевернутый „tenir“, который в свою очередь развился из простого очага. Простой очаг, судя по самому слову, был просто ямой. Слово „otсах“ обозначает на туркменском языке яму в земле, это же слово и служило обозначением первичного очага, устраиваемого, повидимому, в земляной ямке.

Функции очага затем разделяются, функция обогреть переносится у кочевника и оседающего кочевника на открытый костер с верхними надстройками.

Другая функция печи остается за ямой, нагретые стенки которой и служат для приготовления пищи. Совершенствуясь, она проходит стадию туркменского „tenir“ и затем крымского „furun“.

Думаю, что дальнейшее изучение очага подтвердит высказанную гипотезу.

Однако, прежде чем обращаться за помощью к Риму (Куфтин), стоит внимательней исследовать формы печей у самих крымских татар и соответственных им не только этнически, но и производственно равных народов. Вот почему далекая Туркмения, благодаря одинаковым историко-географическим условиям, ближе подходит для объяснения какой-нибудь исторической проблемы материального производства, чем близкие, но чрезвычайно отличные от быта татар народы, населявшие горный Крым в средневековье.

ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО.

Вероятно, многим знакома „пестро-матерчатая внутренность“ дома крымского татарина. Раскинутые по стенкам „minder“, невысокие (см 10 высотой) подушки (диван), набитые сеном или шерстью (смотря по достатку), „jastyk“ — спинки этого низкого дивана, пол, покрытый кошмой или редко ковром (ковры вообще редкость в Крыму). Стены закрыты многочисленными платками, чадрами, полотенцами и т. д. (рис. 13).

Внутреннее убранство дома в большей своей части представляет типичное подражание внутренности кибитки. Даже четырехугольность комнаты скрадывается висящими по углам полотенцами „kaule“ или „maxrama“. Пол застлан, потолок обычно тоже увешивается материей еще во время свадьбы, и убранство это поддерживается долгое время после свадьбы.

Нечего и говорить, что все эти элементы — кочевнические „пережитки“. Остается еще одна деталь. Это камеры для скла-

дывания постелей. Маленькая площадь комнаты, которая обычно всегда перегружена, освобождается днем от постели, складывающейся в специальные шкафы „kamere“ и „dulaf“. Экономия места породила эти шкафы, которые отнюдь не новинки в домашнем обиходе, мы их встречаем у кочевников (например, „juk eri“ у туркмен). В кибитке это только доска-полка, в комнате крымского татарина — постоянное помещение.

МАТЕРИАЛИЗОВАННАЯ РЕЛИГИЯ.

Трудность изучения бытовых обрядов без знания языка лишила возможности заняться религией. Однако надо осветить

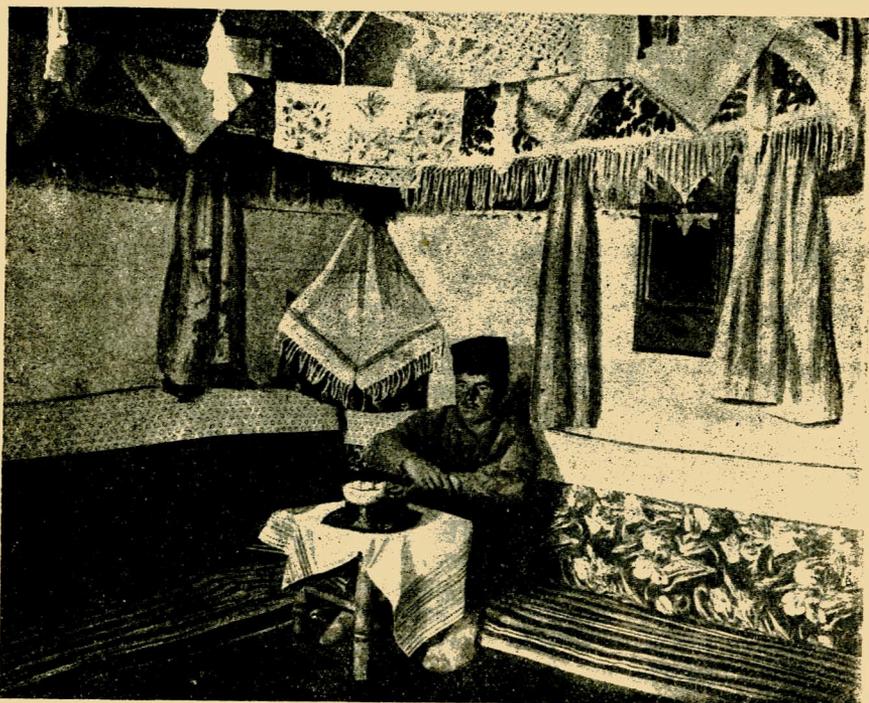

Рис. 13. Внутреннее убранство татарской комнаты.

ряд фактов, имеющих интерес для нашей постановки вопроса. Сильного влияния на технику жилища эта область надстроечных явлений не имела. В основном все вылилось во внутреннем убранстве жилища.

При самой постройке дома при возведении стропил устанавливаются шесты в виде ворот „koşege“, на которые навязываются куски материи, даримые местным населением.

Чем больше такой материи, тем богаче будет дом, тем больше на свадьбу при переселении в дом жениха будет принесено подарков. При самой свадьбе такие же куски материи подносят и жениху во время свадебной церемонии; они навязываются ему на руку. Эти куски должны выражать своей длиной долгую жизнь новобрачных. Такое же объяснение дают и по отношению к жилью, причем дом выступает не только как жилье, но и как выражение всего хозяйства. Этот обычай, быть может, является выражением родовых притязаний: подарки включают нововыстроенный дом в общее село. Впоследствии подарки и приданое невесты являются частью украшений комнаты, стилизуя жилище под кибитку.

Расшифровку этого обычая („djiis“) мы находим у Бонч-Осмоловского: „И в горах и степи можно было встретить украшенные таким образом комнаты, причем большинство путешественников принимало их за спальни богатых татар, не ставя в связь со свадебными обрядами“.¹

Здесь неправильно только противопоставление зажиточности свадебному обряду, ибо в этом обряде количество и качество материи отражает, конечно, и богатство семьи.

Обычай употребления материи при строительстве „kosege“, быть может, можно сопоставить с тем объяснением, которое приводит Бонч-Осмоловский происхождению свадебной занавеси „perde“, за которой держат невесту. Занавесь является сначала элементарным способом разделения семьи на две части. Раздел дома, выделение комнаты новобрачных, затем переход, пережиток в свадебном современном процессе, когда невеста уже в доме жениха все еще сидит за свадебной занавесью „perde“. Однако, помимо назначения отделять внутри (сначала в кибитке) „угол новобрачных“, а затем служить элементом свадебного обряда, „perde“, быть может, является началом преднамеренного деления дома на две части (две комнаты) с расчетом на две семьи. Не является ли исчезновение „perde“ теперь результатом искусственного дробления жилища?

Рассказывают также, что при постройке „освящают землю“. Под постройку закладывают кусочек бумаги с надписью, которую пишет мулла. Бумага эта называется „tumar“ (аналогия типичного религиозного обмана почти у всех тюркских народов).

Кроме этого, часто к колонне дома на террасе прикрепляют голову барана, которого режут во время праздника Курбан-Байрам.

Череп при жилище обыкновенно служит выражением некоего священного покровительства по отношению к дому, с одной стороны, а с другой стороны это почитание, олицетворение своей экономической базы. Форма такого почитания есть пережиточная форма тотемизма у крымских татар. Подобное же мы наблюда-

¹ См. Свадебное жилище турецких народов, Материалы по этнографии, изд. Русского музея, т. III, вып. I, 1926 г.

даем и с головой лошади, что, однако, имеет отношение не к одному жилищу, а ко всему хозяйству. Голова лошади вешается на плетень, окружающий дом, или укрепляется возле хозяйственной постройки. Форму бараньих рогов надо искать в орнаменте карнизной доски, а также в завитках капители колонн, поддерживающих навес террасы. Завитки капители и выгнутость форм орнамента не оставляют сомнений относительно связи тотемного культа барана, основной экономической базы татар в период кочевья (для некоторых районов и теперь), с почитанием священной головы зарезанного в праздник Байрам (религиозный синкретизм), с отражением последнего в орнаментике жилищ, носящей сначала характер не украшения, а имеющей чисто религиозный мотив. Нас и интересует „материализация“ этого религиозного мотива.

Отметим еще периодизацию строительства. Оно обыкновенно происходит к осени, когда совершаются все свадьбы, поэтому и внутренняя организация жилища есть часто только завершение всего свадебного процесса. Цикличность постройки связана не с религиозными представлениями, а со сбором урожая (платежное средство каменщикам, плотникам и т. д.).

Несложные религиозные, верней — бытовые, обрядности редко влияют на постройку.

В этом отношении религия как надстройка мало чем влияла на развитие жилища, сама возникая и перерастая из права, т. е. имея с правом, другим надстроечным явлением, большую связь.

Религиозные „пережитки“ проявляются в двух моментах: 1) во внутренности — матерчатое украшение, являющееся дополнением к кочевническому „пережитку“ (уподобление внутренности дома кочевническому жилью), 2) в искусстве — связь с тотемом, также пережиток скотоводческой стадии в орнаменте и частично при отделке здания.

Может быть, дальнейшее изучение вскроет еще ряд моментов. Думаю, что указанные религиозные пережитки все-таки по своему происхождению останутся основными.

Итак, религия, „бытовые“ обряды материализовались в жилищном производстве. Религия-надстройка повлияла, но, конечно, не определила базис.

СОЦИАЛЬНАЯ СТОРОНА ВЕЩЕЙ.

Явления, которые, как мне кажется, удалось показать в связи с общими историческими условиями развития татар, связаны как с наличным социально-экономическим дроблением общества, так и с „пережиточными“ формами его.

При таком подходе мы не скатываемся к формально-типологическому описательному методу.

Однако все это только первая часть, ряд положений с назревшими противоречиями (усложнение приемов техники — диф-

ференцирование населения; рост „культуры“—регресс в технике большеинства и т. д.). Необходимо путем ряда обобщений дать из приведенного материала наметку тех типов жилищ, которые по своему характеру являются отражением социального процесса.

Влияние экономики частично указано выше, остается вопрос дальнейшего исследования права в жилище как результате диалектического процесса.

Постараемся дать наметку отношения жилища к общесоциологическим законам. Расслоение в обществе дало свое выражение в плане дома. Рассмотрение плана жилища дает наметку социального распада семьи с развитием частной собственности. „Индивидуализация семьи в патриархальной форме повела за собой распадение общего жилища“.¹ Это правильное замечание Лафарга относится к „природе“ товарно-капиталистических элементов, их стремлению к дробленности.

Об этой дифференциации писал Ленин: „Дело не ограничивается созданием одного только имущественного неравенства: создается „новая сила“ — „капитал“,² следствие этого — стремление обезопасить свой капитал, развиваться самостоятельно, вырастать в единоличное хозяйство.

Первичное выражение этого мы видим в распределении в „kosare“ площади между отцом и сыном, когда последний стремится к отделению и в то же время является беднее своего отца (рис. 14).

Два загона для скота отделяются нейтральной полосой.

Если мы теперь возьмем типичный план татарского дома, то увидим, что формы, наблюдаемые в пещере, переносятся и на формы жилья.

Дом строится заранее с расчетом на два семейства.

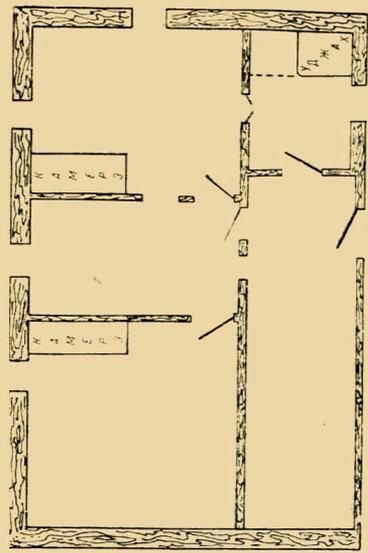
Надо оговориться, что эта форма характерна для крестьян товарного периода.

Интересно соотношение между формой жилья и экономическим развитием хозяина. Дом Абдулова с женьбой сына разделяется на две половины. Забиваются двери, пробиваются новые, пристраивается новая кухня, новая лестница, и на веранде появляется перегородка, которая отгораживает часть веранды отца от веранды сына. В семье разрыв под влиянием совершенно новых форм хозяйства.

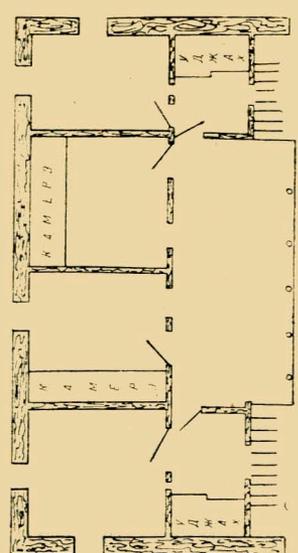
Развитие собственности увеличило дробление жилища, и здесь интересно отметить тот новый тип, представителем которого является жилье Сеит-Казы, как законченный тип жилья на два семейства (рис. 15). Две отдельные кухни, два отдельных марша лестниц. Количество семей дома определяется степенью дифференцированности фасада и количеством сходящих маршей (рис. 15). Дробленность хозяйства и семьи вызывает дробленность дома.

¹ Ленин, Экономическое содержание народничества, Собр. соч., т. I, изд. 2-е, стр. 341.

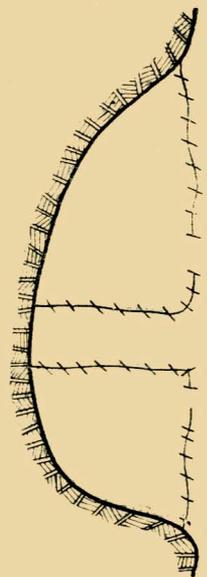
² Лафарг, Собственность и ее происхождение, стр. 5.

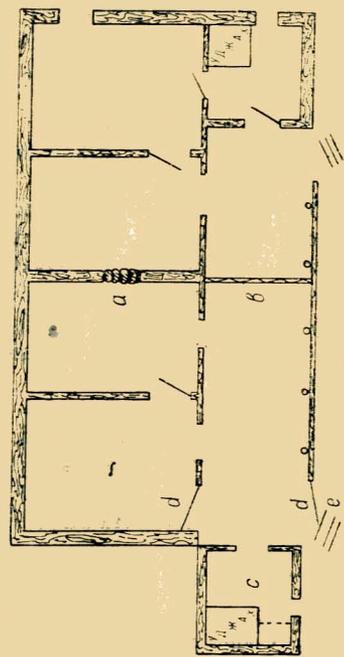
2.

4

1

3

Рис. 14. 1. Первичное проявление собственности на жилую площадь — загон для скота разных хозяев в одной пещере (дер. Черкес-Кермен). 2. Типичный дом товарного периода (дом Али Байрама, дер. Черкес-Кермен). 3. С женой сына дом разделяется на две части: а) забитая дверь, б) перегородка на террасе, с) новая кухня, д) новые двери, е) новые ступени (дом Абдулова, дер. Черкес-Кермен). 4. Дробленность на основании индивидуализации капитала — дом на два семейства (дом Сеит-Кааы, дер. Черкес-Кермен).

„Домовая“ дробленность есть следствие, причиной которого явилась индивидуализация капитала, происходящая под одной крышей. Дом — показатель отрицания семьи, переход к самостоятельности. Является ли это последним утверждением? Нет.

Отрицая единую „крышу“ над разными собственностями, новые группы торговцев деревни, класс деревенской буржуазии, создают новый тип дома, который является противоположностью, отрицанием единого дробленного жилища. Это дом законченного типа, дом торговца. Его наличие обусловлено товарностью данной деревни, его положение в деревне определяется прохожде-

Рис. 15. Фасад дома на два семейства.

нием дороги („главной улицы“), этого элемента торгового капитала.

Вот таким типом является дом в Ай-Тодоре (рис. 16), фасад которого зависит не от положения стран света, а от прохождения проезжей дороги. Первый этаж „ликвидирует“ хозяйственные постройки, которые выносятся на двор в виде самостоятельных пристроек, и нижний этаж превращается в лавку, кофейню и т. д.

За отсутствием средств и необходимостью сделать площадку для дома, последняя не выбивается в скале, а делается каменный фундамент, который и легче и дешевле. В этом случае из-за экономической слабости мы имеем подчинение географической среде.

Экономически сильное хозяйство для расширения хозяйственной площади выбивает в скале площадку, превращая нижнюю

часть дома в первый этаж. Это стадия „крепнущего“ хозяйства, затем нижний этаж превращается в торговое помещение.

Дом пригорода и самого города Крыма, называемый „татарским“ (Бахчисарай, курорты и т. д.), воспроизводит дробленный дом. Он и воспроизводится в соответственных развитых деревнях и является уже первым моментом эксплуатации жилых по-

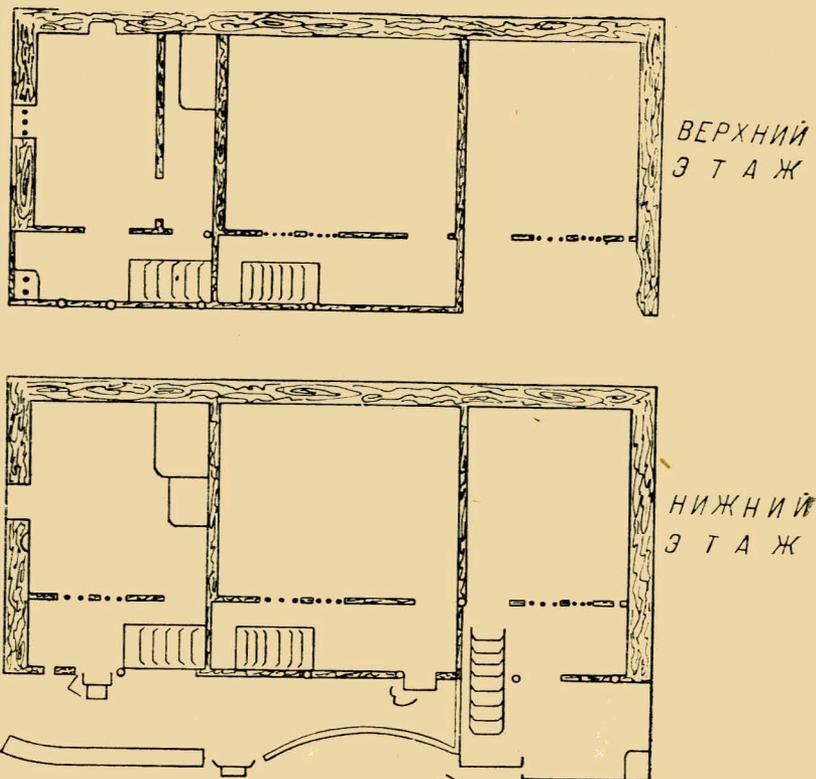
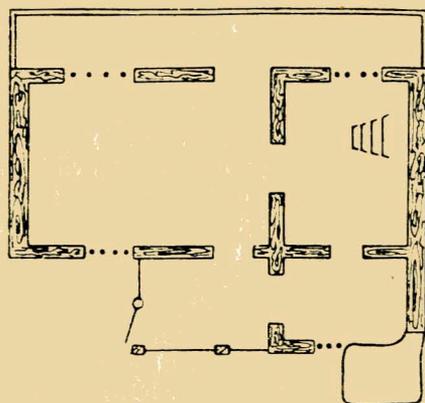

Рис. 16-а.

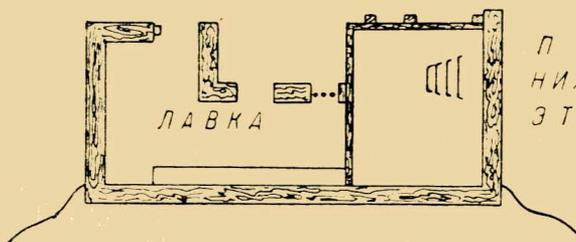
строек, сначала для батраков, после для хлынувшей сейчас в большой массе в деревню интеллигенции, правда, еще немногочисленной.

Отрицая дробленность дома при торговом капитале, мы ее наблюдаем при развитом капитале деревни при новых условиях и в новых формах.

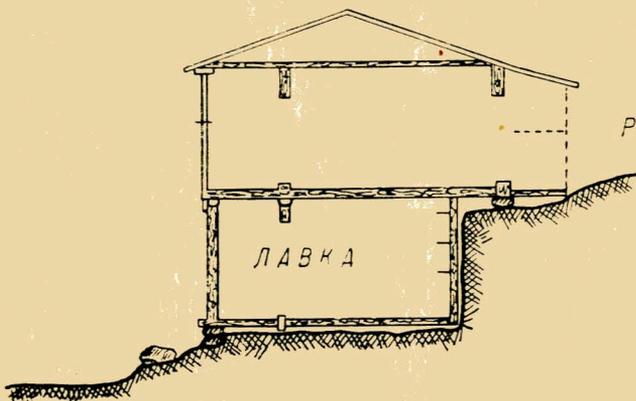
Это процесс, который с достаточной ясностью иллюстрирует Энгельс: „Капиталистический способ производства отрицает индивидуальную частную собственность, основанную на собствен-

П Л А Н
ВЕРХНЕГО
Э Т А Ж А

П Л А Н
НИЖНЕГО
Э Т А Ж А

Р А З Р Е З

Рис. 16-6.

ном труде, однако отрицание капиталистического производства производится им самим с необходимостью естественного процесса“.¹

Это протекает с необходимостью естественного процесса, который отражает в социальной стороне „вещей“, в плане дома, в его архитектуре, отдельных элементах, мною выше рассмотренных, распад семьи, индивидуализацию частника, гибель последнего для концентрации производства в более крупных хозяйствах и т. д.

Итак, мы предусматриваем: замену половозрастной дифференциации в жилище, как спутника родового общества, — классовой дифференциацией. Последняя имеет также свои стадии развития: 1) растущая внутренняя дифференциация в одном доме до самостоятельного дома, 2) дом торгового типа, самостоятельный, 3) синтез — торгово-эксплуатационный тип и приближение к дифференцированному городскому дому. Это есть частичная иллюстрация применения закона отрицания в материальной культуре.

Дом нового типа, капиталистический, есть тип эксплуатационный, и поэтому не может явиться домом будущего, однако тип двухэтажного дома с включением сюда хозяйственных построек есть форма, которую надо использовать при оседании кочевников в горной полосе с сохранением комплексного хозяйства.

БЫЛ ЛИ ОТРАЖЕН ФЕОДАЛИЗМ В МАССОВОЙ ПОСТРОЙКЕ ТАТАР.

При рассмотрении истории жилища татар горного Крыма я сознательно обошел вопрос о наличии в Крыму типа феодального жилища: я склонен утверждать, что, за исключением отдельных дошедших до наших дней гражданских построек эпохи феодализма (феодализм крымских ханов), мы не знаем в Крыму построек эпохи феодализма.

Нет сводных работ по феодализму Крыма, кроме исследований отдельных памятников феодализма, помещенных в журналах „Новый Восток“, „Крым“ и в отдельных выпусках.

Картины феодализма нам не дано. Попытка Б. А. Вишневого дать сводный очерк о „Феодализме в Крымском ханстве“, однако, устанавливает чрезвычайно небольшой период. „Эти вассальные (феодальные) отношения установились с конце XV в.“² Конец феодализма относится ко времени после 1783 г., т. е. к началу XIX в.

В то же время „до начала XVII в. в отношении замещения ханского трона сохранился пережиток родового обычая“.³

Совершенно ясно, что родовой строй господствовал среди основной массы населения: „на ряду с ярко выраженными пережитками родового строя, уживающимися рядом с феодальными

¹ Энгельс, Анти Дюринг, стр. 121—122. в Крымском ханстве, изд. КУТВ, 1930 г., стр. 20.

² Б. А. Вишневский, Феодализм ³ Там же, стр. 22.

отношениями, мы замечаем, особенно с конца XVII столетия, определенные признаки роста денежного хозяйства".¹

Помимо краткости самих феодальных отношений, мы имеем еще наличие рода в основной массе татар, которые, почти минуя феодализм, отразили на своих типах построек только род и капитал.

Феодализм не отражен в массе построек крымской деревни и должен быть иллюстрирован на примерах материальной культуры, главным образом на объектах, ставших уже предметом археологического исследования.

Итак, исключая тип феодального жилища, не отраженного в массе крестьянских построек деревни крымского нагорья, мы, однако, устанавливаем с полной очевидностью типы жилищ, характерные для родового строя, кочевнической стадии с половозрастным делением, мужскую и женскую половину. Принцип деления, которое, повидимому, и дает Б. А. Куфтин в отношении кочевого, родового строя в своих этнологических очерках, следующий: „Только для бедного киргиза отдельная юрта представляла полное хозяйственное помещение, где живет его семья и хранится его утварь. Более зажиточные имеют обыкновенно несколько юрт, которые служат жилищем для жен, детей, прислуги, специально для гостей, а также для хранения имущества и кухни“.²

Расчленив это на элементы имущественного неравенства (прислуга, имущество и т. д.), мы видим, что первые элементы — жены, дети — и есть в родовой постройке причина разделения дома на две-три смежных комнаты (см. план).

Капитализм дает градацию, являющуюся не извечно данной „типичной“ для татар: это есть отражение всего сложного процесса капитализации деревни, который последняя испытывала с конца XVIII по XX век.

Другими принципами в исследовании жилища руководствуются исследователи Крыма, которые кладут в основу метод не социологического анализа в духе исторического материализма, а идут от других совершенно точек и приемов исследования.

Характерной является брошюра Куфтина, к рассмотрению которой я и перехожу сейчас.

РОЛЬ ДИФфуЗИИ И КУЛЬТУРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ³

Куфтин дает анализ крымского жилища, интересный, поскольку книга является характерной иллюстрацией той методологии, которая для большей части археологов и этнографов является единственной, — метод заимствований или так называемых культурных диффузий.

¹ Вишневский, ук. соч., стр. 23.

² Куфтин, Киргиз-Казаки, изд. Музея народоведения, Москва, стр. 30.

³ Разбор книги Б. А. Куфтина „Жи-

лище крымских татар в связи с заселением полуострова“, Москва, 1925 г., Мемуары Этногр. отд. Общ. люб. ест., антр. и этнографии.

Совершенно очевидно, что при всяком исследовании необходимо ставить вопрос о историческом прошлом предшествующих обществ. Это является необходимым в общем конспекте исследования, ибо без этого исследование будет иметь незаконченный характер. Маркс настаивал на необходимости исторической перспективы, на необходимости изучения всех сторон материального производства.

Укажу хотя бы на письмо к Анненкову о Прудоне от 28 декабря 1848 г., Энгельса к Конраду Шмидту 5 августа 1840 г., к Блоху и т. д.¹

С другой стороны, изучая ту или иную народность, исследователь порождает объекты исследования от самых разнообразных причин, отнюдь не утруждая себя исследованием самого конкретного развития данного народа.

И это не случайно. Политическое лицо исследователя определяет его стремления. Если мы наблюдаем в наши дни тенденции великорусского шовинизма в вопросах финской этнографии (Зеленин), угрозу пангерманизма в исследовании готского вопроса Крыма, то и при изучении Крыма Куфтин вплетает в свои культурно-диффузионистские проблемы западноевропейизм в вопросе о происхождении жилища татар.

Теория заимствования порождается буржуазными тенденциями исследователя, который не допускает самостоятельного развития „низших рас“, кочевников, и вопреки историческим, конкретным фактам „слагает“ „культуру“ из суммы „культур“, хотя бы последние „роднились“ и в пределах 5000 лет.

В своем изложении я стремился подчеркнуть особенность исторического развития крымских татар: в этом отношении законы родового строя и капитализма в большей степени являются определяющими для данного конкретного общества — татар Крыма, — чем этнические особенности окружающих народов.

Какой же метод у Куфтина? Об этом можно судить по названию работы и таким местам ее: „в связи с историей заселения полуострова“,² поездка „с целью изучения этнических типов и культурно-бытовых элементов, слагающих современное татарское население полуострова“,³ далее: „который [Крым] в разное время оказывается захваченным то одной, то другой этнической стихией“, „этнические волны“, „местная природа“⁴, „фактор отбора“ при движении „культурных волн“. Все эти миграционные теории характерны для этногеографической школы. „Этногеография с особым вниманием изучает расселение народов по земле, постепенное и неуклонное заселение новых континентов и незанятых территорий, взаимное проникновение народов, их борьбу и мирное смешение“.⁵ Социологическому изучению народности здесь про-

¹ Письма, под ред. Адоратского, стр. 192.

² Куфтин, ук. соч., стр. 6.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Богораз-Тан, Этногеография стр. 59.

тивопоставляется „взаимное проникновение народов, их борьба и мирное смешение“. Если сократить размеры „континентов“ и незанятых территорий и к этому еще присоединить паневропеизм автора, то станут понятны и результаты — выводы исследования.

Итак, основным для Куфтина является установление общих факторов „будущих сумм“, отраженных в объекте исследования. Куфтин отмечает, что, в отличие от костюма и духовной культуры, имеющих связь с социальными условиями, „жилище находится в зависимости от данной природы, с которой связаны и материал, и техника, и форма жилища; и та или иная деталь жилища, получающая распространение при сложившихся культурно-исторических условиях, может привиться только в том случае, если этому не противоречит природа“.¹

Основным фактором в образовании жилища здесь устанавливается природа вне связи с производительными силами и производственными отношениями татар, и только в связи с общими культурно-историческими напластованиями природе отводится не диалектически влияющее место, а всеопределяющее. Это утверждение стоит в противоречии с тем, что „в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни“,² но фетишистское преклонение Куфтина перед природными данными Крыма роднит его с географическим направлением в социологии.

Куфтин переходит к обзору основных типов, которые он одним взмахом разбивает по трем зонам Крыма и которые по существу являются содержанием крымского нагорья. „Оседлавшие татары горного Крыма неизбежно должны были заимствовать жилище и другие навыки земледельческого хозяйства у местного населения“.³ „Уже теоретически мы можем выявить две основных стихии, под воздействием которых складывалась материальная культура и определялся национальный состав татарского периода в указанном районе: это греко-римская, византийская и готская“.⁴ С одной стороны — неизбежность заимствования, с другой — серия объектов для заимствования.

Если в горном районе мы имеем крупную общественную группу, называемую нами условно готами, то это еще не указывает на необходимость готских или германских влияний.

Наиболее, пожалуй, интересным является место, где вопрос посвящен разбору степного жилья. „В степном Крыму необходимо должны были попадать и развиваться навыки оседлой культуры вместе с теми этническими передвижениями, политическими и экономическими связями, которые включали степной Крым в культурные области где удерживались формы оседло-земледельческого хозяйства“.⁵

¹ Куфтин, ук. соч., стр. 6.

² Письмо Энгельса Блоху 21/ix 1890 г., стр. 337.

³ Куфтин, ук. соч., стр. 13.

⁴ Там же, стр. 13.

⁵ Там же, стр. 30.

Казалось бы, татары сами могли развивать у себя навыки земледельческой культуры под влиянием кризиса скотоводческого хозяйства. Однако Куфтин ищет земледельцев в степном Крыму и находит их. „Способ постройки из плетня сарматы усвоили от местного земледельческого населения мэотийских племен, живших по восточным берегам Азовского моря“.¹

Для того, чтобы перейти к описанию дома из самана и плетня, Куфтин указывает на его родство „с обширным районом Причерноморья, Бессарабии и Балкан и родственными черкесами“.²

Не менее ошибочны изыскания Куфтина в области плетневого жилища: „Традиции плетневого жилища с данной территории уходят в Трипольскую культуру, где подобный тип жилища был обычен и встречался на ряду со свайными постройками“.³

Не допуская самостоятельного развития дома внутри Крыма, результата оседания кочевников, Куфтин рядом признаков связывает его с жилищами Балканского полуострова.⁴ Если же условия одинакового исторического развития народов породили одинаковость форм жилья, не считаясь с историческою самостоятельностью кочевников, то Куфтин ищет аналогии почти за 5000 лет. Вот результат метафизической философии, основание философии культуры заимствований. Это непонимание внутреннего самодвижения общества.

Остановлюсь еще на некоторых деталях, напр., на вопросе о двухэтажности, расчленении.

„Каково бы ни было происхождение двухкамерных типов, для нас в данном случае является несомненным, что как на Балканский полуостров, так и в Крым проникает именно альпийский тип, причем как бы в два приема“.⁵

Интересно отношение к типу дома, который рассматривался мною. Это тип, пишет Куфтин, „двухэтажного дома с внешней лестницей, с продольным балконом на колонках как в нижнем, так и верхнем этаже, со многими окнами, который можно было бы условно назвать османским, хотя за ним лежит византийская основа“.⁶ Особенности „в отношении жилища своими корнями уходят в более древние туземные основы быта, которые, помимо турецких переселенцев, роднят его с закавказскими культурами“.⁷

У Куфтина проблема классовости социологического закона сменяется культурно-ландшафтной „теорией“, мозаично строящей дом крымского татарина.

Полную конкретизацию своих взглядов Куфтин дает в своих выводах. Он полностью исключает самостоятельность развития татар. Древнейший слой татарского жилища восстанавливается из сравнения с кавказским,⁸ по элементам крыши роднится

¹ Куфтин ук. соч., стр. 30.

² Там же, стр. 30.

³ Там же, стр. 30.

⁴ Там же, стр. 32.

⁵ Там же, стр. 47.

⁶ Там же, стр. 49.

⁷ Там же, стр. 50.

⁸ Там же, стр. 50.

с Трипольской культурой;¹ квадратный тип с плетеной стенкой „роднится с наиболее архаичными осетинскими, дагестанскими, грузинскими и армянскими подобными постройками“;² все формы „претерпели в дальнейшем изменения со стороны альпийского двухкамерного дома“;³ „под римско-византийским влиянием получило развитие характерное выступание второго этажа“;⁴ османское влияние сказалось в замене высокой мебели низкой. Итого 10 влияний — и ничего собственного.

Даже мебель получена османская, когда татары вообще не знали до сих пор высокой мебели.

Если в 1917 году В. В. Бартольд о турках, противниках царской России в империалистической войне, писал, что „в современной Турции нет никакой государственной идеи“, что в виде „лекарства“ для дальнейшего роста надо принять „протекторат европейского государства“, как необходимое „средство“ для лучшего культурного будущего⁵ и т. д., то Куфтин является в своих изысканиях типичным буржуазным исследователем, иллюстратором теории Бартольда. Конкретная проработка культуры крымских татар у Куфтина отрицает самостоятельное развитие такой низшей расы, как татары.

Буржуазный туризм Б. А. Куфтина прекрасно проглядывает и в конечном выводе его книги, который является практическим рецептом социалистического строительства деревни и проявляет 1) незнание автора с объектом и 2) незнание с задачами строительства. Он пишет: „следует считать в его новых формах весьма соответствующим в данных климатических условиях основным требованиям, предъявляемым к жилищу...“,⁶ а также, что „пути для развития татарского дома, который, имея все необходимые задатки и своеобразный художественный облик, должен в дальнейшем органически развернуть заключающиеся в нем возможности национального стиля и не порывать с ними в угоду модному общегородскому дому“.⁷

Дело в том, что дом не удовлетворяет, как жилище, в смысле теплоты зимой.

Надо вывести плетенку из дома, заменив ее камнем. Печь должна сменить „оджах“, неспособный к „равномерной обогреваемости“, про которую пишет автор.

Развитие национального стиля не следует особо поощрять, поскольку стиль деревни содержит подчас религиозные мотивы (месяца, звезды и т. д.), и заменить выделением элементов для создания интернациональной культуры. Общегородской дом есть не заимствование, а спутник дробленности семьи и, как выражение законченного „дробленого дома“, исчезнет только с из-

¹ Куфтин, ук. соч., стр. 50.

² Там же, стр. 51.

³ Там же, стр. 51.

⁴ Там же, стр. 51.

⁵ В. Бартольд. Из прошлого турок.

⁶ Там же, стр. 51.

⁷ Куфтин ук. соч., стр. 51.

менением всей хозяйственной базы крестьян татарской деревни. При современном положении вещей новый дом является выходом, как более теплое и рентабельное жилье.

Этими краткими, но как будто бы яркими примерами можно ограничиться при разборе этой книги, являющейся пока единственной сводной работой по крымскому жилищу.

Какими выводами придется закончить работу по изучению жилища крымских татар?

Проблема изучения формаций упирается в незнакомство с конкретным материалом, факты старых этнографических исследований добывались с целью характеристики „этноса“, но не общественной группы, классов и т. д. — в результате обилие материала при его малой полезности.

Я ставлю почти противоположную задачу — не этнос, народность, а общество с его диалектическим развитием — вот главный объект исследования, вот тот субъект, который порождает ту или иную форму, называемую нами этнической особенностью.

Классовые противоречия буржуазного исследователя отражались в его работе. Они не давали и не могли дать научного материала для изучения „пережитков“ в капиталистической формации, стремясь к характеристике кочевья как извечной формы, долженствующей быть под „цивилизаторскими“ влияниями капитала. Смена кочевья оседлым земледелием, с сохранением скота — задача сегодняшнего дня, хотя бы по Туркмении. Казакстану, где этот вопрос породил немедленно вопрос о жилищном строительстве.

Изучая „реконструктивный“ „переходный“ этап кочевника к земледелию, к форме производства, дающей возможность более высокого развития культуры (Маркс), мы этим разрешаем вопросы социалистического строительства. Жилище Крыма дает исторический материал для этого „реконструктивного“ периода, и он должен быть привлечен в современность.

В этнографическом исследовании нужна известная абстракция, противоположная установке культурных заимствований, как прием конкретно-аналитического метода, характерного для этнографии. Только выявляя закономерность в развитии материального производства, мы сумеем в повседневной практике помочь действительности. Мы должны, следуя заветам марксизма, не „изобретать“, а „открывать“ законы „в данных материальных явлениях производства“ (Энгельс). Вскрытие этих законов облегчает практику строительства. Изучением этих законов и надо заниматься.

Вот почему и настоящая работа, отмечая детали „своеобразия“, стремилась выявить отражение законов капиталистического развития в татарской деревне XVIII—XX веков.

ИЗВЕСТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Том I.

10 р.

С о д е р ж а н и е: Орешников, К нумизматике преемников Аспурга; Ильин, Монеты великого княжества Черниговского конца XIV в.; Ильин, Монетный двор в Ярославле; Латышев, Заметки по греческой эпиграфике; Бартольд, Персидское арк, „крепость“, „дитадель“; Протасов, Кашинские памятники; Крюгер, Надгробие Леокса, сына Молпагора; Марр, Фрагмент халдской надписи из Алашкерта; Тураев, Египетские рельефы с изображениями погребальных процессов Музея Изящных Искусств; Гесс, Композиция человеческой фигуры в египетском рельефе и рисунке; Ольденбург, Организация археологического изучения Индии; Шилейко, Заметки по семитической эпиграфике; Орбели, О двух терминах в надписях Ани; Тройницкий, Рубль Ланского; Рончевский, О древне-римских плафонах; Вальдгауер, Килик с надписью *Ἐπίδρομος χάλος* в Эрмитаже; Тураев, Папирус Прахова; Боровка, Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана; Фармаковский, Серебряная чашка Новороссийского музея; Романов, О времени построения звоницы Успенского собора в Звенигороде; Орешников, Этюды по нумизматике Черноморского побережья; Вальдгауер, Статуарный тип Гипноса; Струве, Сенаар и Египет; Тройницкий, Баллотировальник Екатерининского времени; Тревер, Бронзовая ножка канделябра из Нахчавана; Васильев, Готы в Крыму. I; Тройницкий, О гербе Смоленском; Шилейко, Документы из Гюль-тепе; Гамалов-Чураев, Монеты острова Кимола; Ильин, Две монеты князя Андрея; Шкорпил, Два надгробия, найденные в Керчи; Гамалов-Чураев, Золотая монета Уроша II Милутина; Орбели, Описание Версаля в армянской записи 1683 г.

Том II.

5 р.

С о д е р ж а н и е: Бартольд, Отчет о командировке в Туркестан; Фармаковский, Горит из кургана Солохи; Струве, К истории патесиата Гишу; Латышев, Заметки по греческой эпиграфике; Латышев, Неизданные Воспорские надписи; Рыздзевская, Холм в Новгороде; Орешников, Этюды по нумизматике Черноморского побережья; Смирнов, О времени появления константинопольской Ксилопорты; Максимова, Одиссей у Кирки по чашам Бостонского музея; Орешников, Олицетворение общины Херсонеса Таврического на монетах; Книпович, Три вазы стиля Вурва

ИЗВЕСТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

в Эрмитаже; Розенберг, Персидская миниатюра конца ХЛ в.; Бартольд, Монеты Улугбека; Боровка, Бронзовый олень из Ульского аула; Мюллер, Пейзажи Нортбека; Вальдгауер, Афродита Урания и Афродита Пандемос; Кубе, Антуан Бенуа; Васильев, Описание византийских гирь и эксагиев; Бакланов, Эволюция архитектурных форм в русском провинциальном церковном зодчестве; Романов, Два антиминса XVII в. Ферапонтова Белозерского м-ря; Тревер, Краснофигурный лекиф с изображением Артемиды; Миллер, Изображения собаки в древностях Кавказа; Марр, Яфетические названия красок и плодов в греческом; Марр, Каппадокийцы и их двойники; Зограф, Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики; Бартольд, Восточно-иранский вопрос.

Том III.

5 р.

Содержание: Золотарев, Работы этнологической экспедиции в Тверск. и Рыбинск. губ.; Троицкий, Исаак Брукнер и его универсальные солнечные часы; Алексеев, Судьбы китайской археологии; Пиотровский, Панафинейская амфора Елисаветинского кургана; Гесс, Ушебти и саркофаги к ним Эрмитажа и Музея Изыщных Искусств; Фриде, Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам; Шилейко, Молитва ночным богам в собрании Лихачева; Лихачев, Датированные печати Византии; Ернштедт, Две терракотовые архаические маски Эрмитажа; Флиттнер, Египетские цилиндры собрания Голенищева; Марр, Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении; Марр, Заметки по яфетическим клинописям; Фасмер, Новые приобретения Эрмитажа в оклости куфической нумизматики; Токарский, Об основной мере длины в древней Армении; Измайлова, Описание византийских печатей, хранящихся в Академии.

Том IV.

5 р.

Содержание: Миллер, Краткий отчет о работах Сев.-Кавказской экспедиции 1923 г.; Мещанинов, Географические названия верховьев Аракса по халдским надписям; Миллер, Об армянских надписях в Болгарах и Казани; Крюгер, Эпиграфические мелочи; Миллер, Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом; Андреев, Деревянная колонна в Матче; Бартольд, Археологические работы в Самарканде летом 1924 г.; Быков; Клад серебряных куфических монет, найденный в Новгороде; Семенов, Новые находки в Ольвии; Зограф, Поправки к нумизматике Тире; Кубе, Памятник полемической литературы конца

